Благородный разбойник

Автор:
Маргарет Макфи

Благородный разбойник

Маргарет Макфи

Джентльмены с дурной репутацией #6Исторический роман – Harlequin #66

Семья Эммы Норткот в одно мгновение потеряла все. И красивая юная аристократка вынуждена была стать подавальщицей в дешевой харчевне в бедном и опасном районе Лондона. Однажды голубоглазый докер по имени Нед спас Эмму от посягательств пьяного матроса. Между молодыми людьми вспыхнула любовь. Но жаркие поцелуи и объятия не помешали Эмме и Неду скрывать свои тайны друг от друга. Нед уехал, попросив Эмму ждать его. Она обещала, но не сдержала слово: богатая дама пожелала видеть ее своей компаньонкой. Так девушка вернулась в светское общество. Каково же было ее удивление, когда в ложе театра она увидела своего Неда в дорогой одежде аристократа в обществе молодой наследницы большого состояния…

Маргарет Макфи

Благородный разбойник

Роман

Margaret McPhee

The gentleman rogue

A Novel

The Gentleman Rogue Copyright © 2014 by Margaret McPhee

«Благородный разбойник» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Глава 1

Лондон, август 1811 г.

Эмма де Лайл краем глаза следила за мужчиной. Он, как обычно, сидел за крайним столом спиной к стене, чтобы хорошо видеть дверь. На столе перед ним стояла пинта портера и тарелка с недоеденной бараньей отбивной. Выгоревшая кожаная шляпа лежала рядом.

И как обычно, он катал на ладони фишку – маленький диск из слоновой кости, заставляя его выпадать между пальцами, а потом волшебным образом появляться вновь. Трюк повторялся снова и снова, медленно и ритмично. Мужчина неспешно потягивал пиво из кружки и, похоже, чувствовал себя вполне уютно в своем одиночестве. Он ел, пил, наблюдал и был почти незаметен в суматохе, царившей в харчевне «Красный лев». Почти, но не совсем.

– Все в порядке? – буркнул, проходя мимо, коротышка с почерневшими зубами и угрюмо кивнул в сторону незнакомца.

Мужчина кивнул в ответ, и маленький диск, скользнув между пальцами, исчез в кармане его куртки. Эмма видела его не в первый раз. Она приметила его еще

раньше из-за того трюка, который он проделывал с диском. И из-за небольшого шрама, ровной светлой полосой рассекавшего темно-русую бровь. И из-за смотревших из-под бровей глаз цвета ясного голубого неба. Но прежде всего из-за того, что он заинтриговал ее.

Его выцветшая коричневая кожаная куртка потрескалась от старости. Ноги были обуты в потертые сапоги под стать куртке. Шляпа тоже была кожаной, сильно поношенной, и ее дымчато-коричневый цвет казался темным на фоне его волос. Все эти вещи выглядели так, словно их носили всю жизнь и их возраст соответствовал возрасту хозяина. Тем не менее под курткой обнаруживалась непривычная для здешних посетителей свежевыстиранная белая рубашка хорошего качества, а аккуратно подстриженные ногти незнакомца поражали чистотой. Мужчина всегда сидел один и ни с кем не общался. От него исходило ощущение силы и независимости, ума и власти. Но все это скрывалось где-то в глубине, приглушенное внешним спокойствием. Похоже, его не интересовало, что думают о нем другие. В отличие от остальных обитателей Уайтчепела[1 - Уайтчепел – в описываемую пору район Лондона, в котором проживало беднейшее население города. (Примеч. ред.)], он не старался внушить окружающим страх или произвести на них впечатление. Погрузившись в собственные мысли, он никогда не пытался заговорить с другими. И хотя красивые мужчины интересовали Эмму в последнюю очередь, она не могла не заметить, что этот чисто выбритый незнакомец был очень хорош какой-то своеобразной суровой красотой.

– Три порции мяса на гриле! – выкрикнул повар Том, прервав ее размышления.

– Иду, Том. – Передышка закончилась, и Эмма отвела взгляд от мужчины.

Она торопливо подошла к плите и, взяв в руку полотенце, заткнутое за пояс, поставила на большой деревянный поднос раскаленные тарелки. Потом привычным движением подхватила поднос, уперев его в плечо для равновесия, и стремительно двинулась в зал разносить заказы.

– Все готово, джентльмены. Вот ваше замечательное мясо. – Она поставила перед каждым из троих мужчин по огромной тарелке.

Возвращаясь назад, Эмма убрала два стола, взяла два заказа на пиво и заметила, что в зале появились новые посетители.

– Я подойду к парням, которые только что пришли, Эм, – сказала Полетт, другая девушка, служившая в «Красном льве».

– Четыре пинты эля готовы, Эмма! – позвала ее хозяйка заведения Нэнси. Она с грохотом водрузила на стойку бара кружки, отчего их пенистые шапки поднялись еще выше и выплеснулись наружу кремовым водопадом.

Эмма бросилась к стойке и, водрузив все четыре кружки на поднос, отнесла их к столу, стоявшему у двери.

– Спасибо, дорогуша. – Здоровенный черноволосый детина уставился на ложбинку между ее грудей, видневшуюся из-под низкого выреза сорочки, выступавшей над тугим алым лифом рабочего платья. Эмма не любила это платье за его слишком глубокое декольте. И таких мужчин она тоже не любила. Детина осклабился, показав зубы, мало чем отличавшиеся по цвету от его волос, и скользнул рукой по ее бедру.

Эмма отбросила его ладонь и, сказав ледяным голосом:

– Держите руки при себе, – невольно задумалась, сможет ли когда-нибудь привыкнуть к этой стороне своей работы.

Мужчина засмеялся:

– Да ты, я вижу, злючка. Но ничего, мне такие нравятся. – Он снова протянул руку, и на этот раз с большей настойчивостью ухватив Эмму за юбку, притянул ее к себе и стиснул рукой ягодицу. – И еще мне нравится, как ты говоришь. Можно подумать, что имеешь дело с настоящей леди. У меня никогда не было леди. Иди ко мне, дорогуша, не пожалеешь. – В воздухе разлилась нестерпимая вонь эля и гнилых зубов.

Его приятели одобрительно засмеялись.

Эмма устремила на детину холодный взгляд:

– Как ни странно, но я вынуждена отказаться. А теперь отпустите меня и дайте делать свою работу, иначе вам придется иметь дело с другими людьми, которые

ждут не дождутся, когда им принесут поесть и выпить.

Улыбка черноволосого стала еще шире. Он потянул Эмму к себе и, вырвав у нее из руки поднос, с грохотом уронил его на пол.

– Их обслужат другие. А ты побудешь со мной, дорогуша.

О господи! С упавшим сердцем и все возрастающим страхом Эмма поняла, что он отпустит ее не иначе как получив удар между ног. Он явно собирался усадить ее к себе на колени и приласкать. Если не хуже.

– Я ни с кем не побуду. Отпустите меня, пока Нэнси не увидела ваших шалостей и не выгнала вас.

Эмма смутно заметила, что сзади к ним приближается какая-то тень. Девушка была слишком занята, пытаясь вырваться из лап черноволосого. Поэтому, когда на голову мужлана коричневым ливнем обрушился поток темного пива, девушка остолбенела не меньше, чем он.

Улыбку черноволосого как рукой сняло. В одно мгновение он и думать забыл про Эмму и, разразившись проклятиями, выпустил ее.

Не дожидаясь приглашения, она воспользовалась возможностью, чтобы схватить свой поднос и броситься прочь от опасности.

Разбрызгивая пиво во все стороны, черноволосый попытался вытереть глаза своими огромными, густо татуированными ручищами. Его мокрые волосы блестели от пива. Оно струйками стекало по его щекам и подбородку и капало на грубую светлую рубаху, прикрывавшую голую грудь. Плечи его старой коричневой шерстяной куртки стали похожи на землю после дождя. Даже его серые штаны потемнели от влаги. От него несло, как от пивной бочки. Маленькие, налитые кровью глазки впились в обидчика.

Гомон, смех и звон кружек замерли. Все с любопытством перешептывались и смотрели, что будет дальше.

Эмма подняла глаза и, проследив за взглядом черноволосого грубияна, увидела объект своего недавнего интереса. Мужчина стоял неподвижно. Высокий, спокойный.

– Сожалею. Рука дрогнула. – Слова предполагали желание извиниться, но то, как они были произнесены, говорило об обратном. Незнакомец говорил с тем же акцентом жителя Ист-Энда, что и другие, но его низкий голос звучал чисто и содержал в себе спокойную угрозу.

– Уж ты у меня пожалеешь, это точно! – Черноволосый вскочил так резко, что ножки его стула громко скрипнули. – Очень пожалеешь, парень, к тому времени, как я с тобой разделаюсь.

Взгляд незнакомца пристально уставился на мокрые штаны черноволосого, а потом снова поднялся вверх и встретился с его взглядом. В глазах мужчины блеснуло мрачное удовлетворение. Он поднял одну бровь. Ту, которую рассекал шрам и которая, по мнению Эммы, делала его похожим на какого-то красивого разбойника.

– Похоже, тебе это не светит.

Со всех сторон послышалось хихиканье.

Лицо черноволосого побагровело. Его прищуренные маленькие поросячьи глазки смотрели на незнакомца взглядом разъяренного быка. Пальцы с хрустом сжались в кулак.

Друзья черноволосого как по команде встали, с очевидностью намереваясь принять участие в драке. Все признаки приятного возбуждения и любопытства внезапно испарились из воздуха, сменившись острой атмосферой опасности.

Наступила тишина. Глаза всех посетителей харчевни устремились к сцене, разворачивавшейся перед Эммой.

Она ощутила, как сзади по шее и по спине поползли мурашки.

– Остыньте, ребята, – сказала Нэнси. – Ничего страшного не случилось. Садитесь и пейте свое пиво, пока оно не стало теплым.

Однако ни один из мужчин не пошевелился. Они продолжали стоять на месте и смотреть друг на друга, как псы с вздыбленной холкой.

– Нам тут не нужны проблемы. Если вы не поладили, идите разбираться с этим на улицу. – Нэнси попыталась подойти ближе, но двое мужчин из числа завсегдатаев преградили ей путь, тихо, но настоятельно советуя держаться на безопасном расстоянии.

В любом случае никто не обращал на нее внимания: ни черноволосый мерзавец со своими дружками, ни незнакомец.

В глубине комнаты Эмма заметила возбужденное лицо Полетт, с опаской ожидающей, что будет дальше.

Лицо незнакомца оставалось непроницаемым. Он казался почти довольным.

– Я тебя убью, – сказал черноволосый.

– А я думал, ты предложишь купить мне новый портер, – откликнулся незнакомец.

– Клянусь, ты даже пустую кружку держать не сможешь, не то что портер.

У Эммы похолодела кровь. Она знала, что в Уайтчепеле делали друг с другом такие мужчины, как этот негодяй. Ей не раз случалось быть свидетельницей драк, и от перспективы того, что может произойти дальше, ее стало мутить.

Незнакомец снова улыбнулся, однако его голубые глаза оставались холодными.

– Ты действительно этого хочешь? – спросил он с легким недоумением и недоверием.

– Поздно подлизываться, – ответил черноволосый.

– Какая жалость.

Вся харчевня замерла. Никто не шевелился. Все взгляды, как и взгляд Эммы, были устремлены на незнакомца. И во всех глазах светился страх. Пятеро мерзавцев против одного человека. Исход был предрешен.

Черноволосый, выпятив грудь, шагнул ближе к незнакомцу. Казалось, каждая клетка его тела излучает агрессию.

Эмма сглотнула. По ее телу побежали мурашки.

Однако незнакомец, похоже, не чувствовал ничего подобного. Он улыбнулся холодной жестокой улыбкой. В его глазах не было ни капли слабости, ни намека на страх. Напротив, казалось, он приветствовал то, что должно было случиться. Кровь. Насилие. Пятеро на одного. Может быть, он и в самом деле хотел умереть.

– Кто-нибудь, остановите их. Пожалуйста, – сказала Эмма.

Но этой мольбе не суждено было быть услышанной.

Пожилой мужчина оттащил ее.

– Теперь их уже не остановишь, детка.

Он был прав. Эмма понимала это, как и все, кто находился в харчевне.

Черноволосый детина хрустнул пальцами и вытянул свою бычью шею, готовясь наказать незнакомца.

Эмма затаила дыхание. Ее руки сжались в кулаки, ногти вонзились в ладони.

Неожиданно незнакомец сделал быстрое движение. Он в один миг оказался рядом с грубияном. Еще секунда – и он ударил его головой по носу. Раздался душераздирающий хруст. А потом хлынула кровь. Много крови. Черноволосый согнулся пополам, как будто нарочно хотел встретиться лицом с коленом незнакомца. Скорость и внезапность произошедшего потрясли Эмму. И всех

присутствующих тоже. Она увидела это по выражению их лиц, когда черноволосый гигант рухнул. Лежа на полу, негодяй моргал и хватал ртом воздух.

Эмма не верила своим глазам. Все ее тело замерло в напряжении. Она затаила дыхание в ожидании дальнейших событий.

– Поздно подлизываться, – сказал незнакомец.

Упершись одной рукой в пол, черноволосый сплюнул кровь на носок сапога незнакомца и ухватился рукой за соседний стул.

– Но если вы настаиваете…

Незнакомец шагнул вперед, и его испачканный кровью сапог наступил на растопыренные пальцы гиганта. Он схватил протянутую руку негодяя, как будто хотел помочь ему подняться. Однако он вовсе не собирался предлагать ему помощь. Незнакомец резко и сильно повернул его кисть. Последовавший за этим хруст заставил Эмму и всех остальных вздрогнуть.

Лицо черноволосого сделалось пепельно-серым. Он не издал ни звука, а просто лишился чувств и, скрючившись, замер на полу.

Окружающие окаменели от изумления и тоже не могли пошевелиться. Никто не произнес ни слова.

– Похоже, теперь ему понадобится небольшая помощь, чтобы удержать свою кружку с портером, – сказал незнакомец его приятелям.

– Вот ублюдок! – выругался один из них.

Незнакомец снова расплылся в улыбке. Но на этот раз Эмма была к этому готова.

Мужчина сжал кулаки, готовясь к бою.

Незнакомец ударился лбом в щеку мерзавца, в то время как его нога обхватила щиколотку мужчины и повалила его на пол. Когда этот крысеныш сделал

попытку подняться, нога незнакомца ударила его снизу. После этого приятель черноволосого больше не двигался.

Оставшиеся трое, обменявшись между собой быстрыми взглядами, двинулись вперед. Один из них выхватил блеснувший в свете канделябров длинный кривой нож.

– Вы уверены? – спросил незнакомец.

Один из трех, человек с хитрой физиономией, сделал вид, что бросается в атаку, но тут же отпрянул назад. Потом снова пошел вперед, пытаясь зайти незнакомцу за спину.

– Что, страшно? – спросил незнакомец.

Единственным ответом ему была кривая усмешка и блеснувший в руке противника клинок.

Однако незнакомец успел ударить его между ног. Последовал оглушительный вопль. Никогда прежде Эмма не слышала, чтобы мужчина так орал. От этого звука кровь застыла в ее жилах. Она увидела, как нож с шумом упал на пол, а мерзавец с хитрой физиономией, корчась и задыхаясь, рухнул следом за ним, как подкошенный.

Незнакомец посмотрел на двух оставшихся бандитов.

На мгновение они затаили дыхание. Потом повернулись и бросились из харчевни наутек, словно пара испуганных зайцев.

Незнакомец, не сходя с места, смотрел им вслед.

Но Эмма уже не видела их. Она смотрела на незнакомца. Она не могла оторвать от него глаз. У него на лбу проявилось что-то похожее на синяк. Белоснежная рубашка была усеяна алыми каплями крови черноволосого. Темный шейный платок перекосился. Но он даже не запыхался. Просто стоял на месте, спокойный, хладнокровный и невозмутимый.

Хлопок входной двери эхом разнесся в тишине.

Никто ничего не говорил. Никто не двигался. Никто, кроме незнакомца.

Пригладив растрепавшиеся волосы и поправив перекосившийся шейный платок, он прошел сквозь расступившуюся перед ним толпу.

Все смотрели на него с уважением и благоговейным страхом. Послышался тихий шепот.

Кулаки – вот чем можно было заслужить здесь уважение. Умением постоять за себя и поступать так, как считаешь нужным. Физической силой. Быть самым сильным, жестоким и опасным. И незнакомец трижды доказал это.

Несколько человек из завсегдатаев наполовину вывели, наполовину вынесли побитых из харчевни.

Незнакомец вернулся за свой стол, но не сел. Он одним глотком допил свое пиво и бросил рядом с пустой кружкой несколько монет – больше, чем требовалось для оплаты. Потом взял свою шляпу и, наконец, встретился взглядом с Эммой, стоявшей в другом конце комнаты.

Ее сердце еще не успело успокоиться и тяжело стучало. Кровь по-прежнему лихорадочно неслась по венам.

Незнакомец кивнул ей на прощание и вышел из харчевни, казалось не замечая потрясенных посетителей, уставившихся на него с открытыми ртами.

Как и все остальные, Эмма долго смотрела ему вслед. И даже когда дверь за ним закрылась, она продолжала смотреть, как будто могла видеть его сквозь дверь. За шесть месяцев пребывания в Уайтчепеле она не встречала ни одного мужчины, который был бы столь же силен, столь же бесстрашен и столь же непобедим.

– Думаю, какое-то время у него здесь не будет проблем, – сказала Нэнси, стоявшая с полотенцем в руке, уперев руки в бока.

– Кто он такой? – спросила Эмма притихшим от потрясения голосом.

– Его зовут Нед Стрэтхем. По крайней мере, так он говорит.

Эмма открыла рот, чтобы спросить что-то еще, но Нэнси уже отвернулась от нее и громким хриплым голосом крикнула:

– Представление окончено, ребята! Возвращайтесь на свои места, пока ваше мясо не остыло, а эль не стал теплым.

Взгляд Эммы снова вернулся к входной двери, а ее мысли – к человеку, который только что из нее вышел.

Нед Стрэтхем.

Все выглядело как драка из-за пинты пролитого портера. Но, в отличие от других, Эмма понимала, в чем истинная причина драки.

Нед Стрэтхем ничего не знал о ней, кроме того, что она подавала ему обед и пиво. Все то время, что он приходил сюда, этот человек, казалось, не замечал ее. Он держался особняком и тихо наблюдал за тем, что происходило, никогда ни во что не вмешиваясь. До сегодняшнего вечера.

Эта драка, как ни посмотри, не имела ничего общего с поединками, которые случались между джентльменами. Она была страшной, грубой и, по правде сказать, гораздо более результативной. Без правил. В ней не было никаких признаков учтивости, благородства и рыцарства.

– Эмма, тебя дожидается мясо на кухне, – прервал ее размышления голос Нэнси.

Эмма кивнула:

– Иду.

Харчевня, похоже, пришла в себя после неприятного происшествия, но все же… Эмма снова и снова вспоминала эти голубые глаза, обращенные к ней. Такие

проницательные, глядящие в самую душу.

– Эмма! – снова крикнула Нэнси. – Ты ждешь письменных указаний?

Подхватив свой поднос, Эмма направилась на кухню. Стол Неда Стрэтхема стоял довольно далеко от того места, где сидел черноволосый. А у человека, который проделывал такие трюки с диском, едва ли могли возникнуть проблемы с равновесием.

Эмма понимала, что, если не брать в расчет средства, Нед Стрэтхем повел себя благородно, в полном смысле этого слова. Она знала, что он сделал это, чтобы спасти ее от черноволосого.

* * *

В следующий раз Нед Стрэтхем увидел девушку, когда через неделю снова зашел в «Красный лев». Еду ему принесла другая служанка, но забирать пустую тарелку и кружку пришла Эмма.

Свои темные, чисто вымытые волосы она заколола наверх, светло-оливковая кожа без единого пятнышка поражала своей гладкостью, а ровные зубы белизной. Девушка была слишком красива для Уайтчепела. И слишком правильно говорила. Это выделяло ее среди прочих. И делало предметом вожделения для мужчин вроде того черноволосого. Нед уже заметил, что у нее на пальце нет обручального кольца. Незамужняя. Незащищенная. И это в Лондоне, где любая одинокая женщина подвергалась опасности, не говоря уже о таких, как она.

– Не желаете ли еще пинту, сэр? – Ее голос звучал чисто, а правильное произношение было нехарактерно для этой части города.

– Благодарю вас.

Он молча следил за тем, как она убирает к себе на поднос его тарелку, кружку и приборы. Однако, вытерев стол, девушка не торопилась уйти, как делала обычно. Вместо этого она в нерешительности продолжала стоять на месте с подносом в руках.

– На прошлой неделе у меня не было возможности поблагодарить вас. – Ее глаза напоминали темно-коричневый бархат. Теплые глаза, подумал он, глядя в них. Красивые глаза.

– За что? – спросил Нед.

– За то, что вы пролили свое пиво.

– Неприятное происшествие.

– Конечно, неприятное. – Ее улыбка говорила Неду, что девушка все понимает. В уголке ее рта появился намек на маленькую ямочку.

Это заставило его тоже улыбнуться.

Девушка всегда вела себя вежливо, по-деловому и вместе с тем дружелюбно, как будто искренне любила людей. Но он никогда не видел, чтобы она, в отличие от большинства других служанок, с кем-нибудь флиртовала, даже когда это могло принести ей дополнительные чаевые. Она делала свою работу быстро, ловко и со знанием дела, что ему очень нравилось.

Нед отвел глаза и сосредоточился на своем фокусе с исчезающим диском из слоновой кости. Ему вдруг захотелось, чтобы девушка отошла и занялась обслуживанием других посетителей, как поступала обычно. У него были более важные дела, чем думать о красивых женщинах. Дела, на которые он готов был потратить всю свою жизнь. Дела, от которых не мог отвлекаться, если хотел добиться результата. Каким бы ни был предмет отвлечения.

По правде сказать, и на прошлой неделе Нед не хотел вмешиваться, но он просто не мог сидеть и делать вид, что не замечает того, что происходит. Он хорошо знал таких грубиянов, как черноволосый. И то, что начиналось как заигрывание, очень скоро могло обернуться чем-то совсем другим.

Нед наблюдал за плавным ритмичным движением диска между пальцами правой руки. Он так долго работал над этим движением, что оно, перестав быть фокусом, превратилось в рефлекс, в часть его натуры.

– Я принесу вам портер. – Он не смотрел на нее, но чувствовал, что девушка все еще улыбается.

Нед ничего не ответил. Он не сводил глаз с диска, явно желая отделаться от девушки, пока не услышал, что она повернулась и пошла прочь. На мгновение он поднял глаза на ее удаляющуюся фигуру, на плавное покачивание бедер. Мимолетный взгляд, никакого риска, что пальцы дрогнут, ведь он делал это движение так же инстинктивно, как дышал. И все же в этот миг, впервые за многие годы, Нед сбился. Диск выпал из руки, скользнул по столу и, упав ребром на пол, быстро покатился в сторону.

У Неда екнуло сердце. Он вскочил и бросился за ним, но диск все катился в направлении многолюдной барной стойки. Однако Эмма – он слышал, что ее так называли, – выставила вперед ногу и остановила диск носком своего башмака, а потом, поставив поднос на бедро, подняла его с пола.

Нед видел, как она потерла диск о лиф своего платья, смахнув пыль, прилипшую к светлой гладкой поверхности. Взгляд девушки скользил по старой слоновой кости, изучая ее.

Когда Нед подошел ближе, Эмма повернулась к нему. На миг, прежде чем она вернула ему диск, их глаза встретились.

– Спасибо, – поблагодарил Нед.

– За что? Надеюсь, что мое неосторожное движение не повредило вашу вещь. – Эмма смотрела прямо ему в глаза.

Он не смог удержаться от улыбки. Она тоже.

Глаза девушки проследили за тем, как диск исчез в кармане его куртки.

– Что это такое?

– Мой счастливый талисман.

– Он помогает?

– Всегда.

Брови девушки слегка приподнялись, но она поспешила смягчить свое недоверие улыбкой, которая подействовала на Неда так, как не действовала улыбка ни одной другой женщины. Вместо того чтобы уйти, он остался стоять на месте и продолжил разговор.

– Вы мне не верите?

– В счастливый талисман, который всегда помогает?… – Эмма снова подняла брови, на этот раз очевидно дразня его. – Может, мне стоит попросить его на время.

– Вам нужна удача?

– А кому она не нужна?

– Эмма! – крикнула Нэнси из-за стойки. – Тебя ждут шесть кружек портера!

– Нед Стрэтхем. – Он не улыбнулся, а просто протянул руку для рукопожатия.

– Эмма де Лайл.

Тонкие женственные пальцы легли ему в ладонь. Даже в этой душной харчевне ее рука оставалась гладкой и прохладной. Ее прикосновение вызвало у Неда острое ощущение физической близости. По легкому румянцу, окрасившему щеки девушки, и по тому, как она убрала руку, он догадался, что девушка испытала то же самое.

– Эмма! – Хозяйка взвизгнула, словно банши. – Подойди сюда, детка!

Эмма оглянулась через плечо в сторону бара.

– Иду, Нэнси! Отдых не для нас, грешных, – сказала она и с улыбкой пошла прочь.

Нед вернулся на свое место, но его взгляд продолжал следить за тем, как она идет по залу. Ярко-красное платье, какие носили все служанки, очень подходило к ее темным волосам и так плотно облегало фигуру, что он видел, какая у нее тонкая талия и плавная линия бедер. Девушка казалась живой, умной и достаточно уверенной в себе, что редко встречалось в подобных местах.

Нед видел, как она взяла со стойки кружки и стала разносить их по столам, постепенно приближаясь к нему. Его кружка осталась на подносе последней.

– Что такая женщина, как вы, делает в подобном заведении? – спросил он, когда Эмма поставила перед ним портер.

Ее глаза снова встретились с его взглядом. И в них блеснула та же улыбка.

– Работает, – ответила она.

На этот раз девушка не стала задерживаться. Просто прошла дальше, убирая со столов, принимая заказы и разнося тарелки с бараньими отбивными.

Нед откинулся назад и, прислонившись к деревянным панелям, стал медленно потягивать пиво. В воздухе висел дым от курительных трубок. Нед потянул его носом вместе с запахом поджаренных на гриле бараньих котлет и хмельным духом эля. Погрузившись в привычную непринужденную атмосферу, он продолжал наблюдать за Эммой де Лайл.

У него возникло ощущение, что она не слишком давно работает в «Красном льве». Эмма казалась женщиной, знававшей места и получше и не собирав шейся надолго здесь задерживаться. Это видел каждый, кто хоть раз взглянул на нее. И уже не в первый раз Нед задумался о том, что у нее за жизненная история.

Он видел, как ловко и умело она работает, успевая перекинуться шуткой или улыбкой с посетителями так, чтобы это не мешало делу. Посетители любили ее, и Нед понимал за что.

Пока он допивал свое пиво, Эмма больше ни разу не посмотрела на него.

Издалека донесся звон колоколов на церкви Святого Олейва, пробивших одиннадцать. Нэнси крикнула всем, что заканчивает принимать заказы.

Неду пришло время уходить. Он осушил кружку, оставил на столе достаточное количество монет, чтобы хватило на оплату еды и на щедрые чаевые для Эммы де Лайл. Потом взял свою шляпу и пошел к выходу.

Его глаза в последний раз остановились на Эмме, расставлявшей тарелки с мясом на столе, за которым сидели четверо.

Она посмотрела в его сторону, на мгновение встретилась с ним взглядом и, сверкнув своей чудесной улыбкой, пошла дальше.

Нед водрузил шляпу на голову и вышел из харчевни «Красный лев» на темную улицу.

«Надеюсь, что мое неосторожное движение не повредило вашу вещь». Он улыбнулся. Эмма де Лайл была чертовски хороша. У любого мужчины почти наверняка будет соблазн лишний раз зайти сюда ради такой женщины. Почти наверняка.

Нед улыбнулся и углубился в лабиринт хорошо знакомых улиц. Он шел по городу, минуя один район за другим, и думал о том, что предстоит завтра, сосредоточенно перебирая в уме все до самых мелочей.

Ночной воздух обдавал холодом, и Нед быстрым твердым шагом двигался к своему дому в Мейфэре[2 - Мейфэр – привилегированный район Лондона. (Примеч. ред.)]. Его лицо было хмурым.

Глава 2

– Это ты, Эмма? – позвал отец, услышав, как поворачивается ключ в замке. В его голосе слышалось беспокойство.

Эмма отперла дверь и вошла в маленькую квартирку из двух комнат, которую они снимали.

– Я принесла тебе особенный ужин – свиные котлетки.

– Свиные? – Отец удивленно поднял брови. – Как странно, что у вас осталась свинина.

Это было действительно необычно. Свинина стоила дорого и считалась самым изысканным из всего, что у них подавали. И еще это было любимое блюдо отца. Эмма смогла заплатить за него из своего кармана, благодаря тому что Нэнси сделала ей скидку, но по большей части благодаря щедрым чаевым, оставленным Недом Стрэтхемом.

– С днем рождения, папа. – Отец потянулся ближе, чтобы обнять ее, и Эмма чмокнула его в щеку.

– Сегодня мой день рождения? В последнее время я как-то утратил счет времени. – Он опустился в плетеное кресло, стоявшее в углу комнаты перед ничем не покрытым столом.

– Вот что делают годы, – поддела его Эмма. Однако она знала, что не возраст заставил отца забыть о времени. Просто, когда работаешь изо дня в день, все дни сливаются в один.

Девушка повесила свой плащ на обратную сторону двери, потом села за маленький столик, поставила завернутую в ткань тарелку, развернула ее и, наконец, достала фаянсовую бутыль.

– А для полного удовольствия самый лучший портер из «Красного льва».

– Ты меня балуешь, Эмма, – улыбаясь, посетовал отец. – А ты разве ничего не будешь?

– Я поужинала в «Красном льве». К тому же ты знаешь, что я не выношу пива.

– Чему я очень рад. Достаточно уже того, что моя дочь работает в дешевой харчевне, не хватает только, чтобы она начала пить… – Он демонстративно передернулся.

– Я сто раз тебе говорила, это не харчевня, а мясной ресторан. – Эмма улыбнулась. Честно говоря, разница была невелика, но отцу так было приятнее. Хотя, случись ему увидеть их завсегдатаев, включая ее самых лучших клиентов, он бы не обрадовался. Эмма невольно задумалась, что бы сказал отец про такого человека, как Нед Стрэтхем. И что бы он сказал, если бы видел, как Нед разделался с пятью мужчинами, чтобы защитить ее.

Отец улыбнулся в ответ:

– Пожалуй, я должен только поблагодарить тебя за это.

– Ты же понимаешь, что в мясном ресторане можно получать хорошие чаевые, куда больше, чем на мельнице или в магазине. К тому же это не навсегда.

– Может быть, – задумчиво произнес отец.

– Никаких «может быть», папа, – строго возразила Эмма. – Наши сбережения растут. Я отправила заявку на место в Клеркенвеле. Это, конечно, не Мейфэр, но шаг в правильном направлении.

– Место управляющей в мясном ресторане.

Управляющей в таверне. Но она не стала говорить это отцу.

– Шаг за шагом, и в конце концов мы вернемся в свой мир.

Отец улыбнулся:

– Моя дорогая девочка, разве я не говорил тебе, что упрямством ты можешь поспорить с мастифом?

– Говорил один или два раза. Интересно, откуда во мне это качество? Не припоминаю, чтобы мама страдала подобным недостатком.

Отец засмеялся:

– Ну конечно, это моя вина. Яблоко от яблони… – Он нежно потрепал ее по руке. – Иди посиди со мной. Ты ведь наверняка устала, работая весь вечер.

Эмма опустилась на стул напротив него.

– Не так уж я и устала. – И хотя у нее болели ноги, это была правда. Она подумала про Неда Стрэтхема и про тот разговор, который состоялся между ними этим вечером, и улыбнулась. В этом человеке не было ни намека на мягкость. Он был, пожалуй, самым опасным из всех, кто приходил к ним в харчевню, а посетители «Красного льва» были не из тех, с кем захотелось бы встретиться в темном переулке. Определенно самым опасным, поправила себя Эмма, вспомнив, что он сделал с черноволосым и его приятелями. И все же в нем было что-то отличавшее его от других. Отбросив эти мысли, она снова сосредоточилась на отце. – Как сегодня дела в доках?

– Как обычно. Но есть хорошие новости. Завтра мне дадут работать дополнительную смену.

– Опять? – Его усталое лицо тревожило Эмму. – Тебе слишком тяжело работать в две смены. – Даже одна смена работы на складах лондонских доков была слишком тяжела для человека, который был воспитан и прожил всю свою жизнь как джентльмен.

– Что подходит гусыне, сгодится и для гусака, – откликнулся отец. – И прошу тебя, Эмма, не начинай.

Эмма вздохнула и слабо улыбнулась. Сегодня у отца был день рождения, и ей хотелось, чтобы он чувствовал себя хорошо. Они поговорят об этом в другой раз.

– Ладно.

– Возьми себе чашку. Я хочу сказать тост.

Она сделала, как просил отец.

Он налил в ее чашку каплю портера. Поднял свою кружку.

– Господь подарил мне еще год, я рад и благодарен ему за это. – Однако глаза отца затуманила тень грусти, и Эмма понимала, о чем он думает. – За тех, кто нам дорог и кого нет с нами, – продолжил он. – Где бы ни был теперь Кит. Что бы он ни делал. Пусть Господь хранит его и вернет домой. К нам.

– За тех, кто нам дорог и кого нет с нами, – повторила Эмма, пытаясь справиться с бурей противоречивых чувств, которые охватывали ее каждый раз при упоминании имени Кита.

Они чокнулись и одновременно выпили свой портер. Горечь заставила Эмму передернуться. Было время, когда в день рождения отца они пили из хрустальных бокалов самое изысканное шампанское и самый сладкий лимонад со льдом. Было время, когда они жили совсем другой жизнью.

Словно догадавшись, о чем она думает, отец взял руку Эммы в свои и пожал ее. Их глаза встретились и на мгновение затуманились темной тенью общих воспоминаний, но потом Эмма прогнала эти мысли прочь. Никто из них ничего не сказал. Это было не в их правилах. Эмма заставила себя улыбнуться.

– Ешь свинину, пока не остыла.

– С удовольствием, моя дорогая. – Отец улыбнулся ей в ответ и принялся за еду.

На следующий день на другом конце города в столовой дома на Кавендиш-сквер состоялся весьма примечательный ланч.

Камин украшал искусной работы резной портал из черного мрамора. На стенах красного цвета расположились изысканные картины с изображением Шотландии и заморских стран, где Нед никогда не бывал. Над столом висела огромная люстра, вспыхивавшая тысячами танцующих хрустальных капель при легком дуновении воздуха. В комнате имелись два окна, оба большие, арочные, обрамленные длинными тяжелыми гардинами из красного дамаска с фестонами понизу. Оба окна были снабжены кремовыми маркизами, поднятыми вверх в это время дня.

Снаружи полуденное летнее солнце окрасило ясное небо в золотистые тона. Его лучи играли на серебряных приборах и хрустальных бокалах, на полированной поверхности длинного стола красного дерева, напоминавшего столы, за которыми в старые времена пировали короли. За этим столом хватало места для восемнадцати человек. Однако сейчас роскошной трапезой наслаждались лишь пятеро мужчин. Место почетного гостя занимал министр торговли. Слева от него сидел секретарь министра. Прямо напротив министра восседал самый крупный владелец мукомолен с севера, а рядом с ним – корабельный магнат, основным родом деятельности которого было морское сообщение с Вест-Индией и Америкой. Место хозяина в этом собрании влиятельных людей занимал Нед Стрэтхем.

Он потчевал их самыми изысканными блюдами и соусами, приготовленными шеф-поваром, в свое время состоявшим на службе у принца-регента. Его дворецкий и лакеи своевременно наполняли бокалы гостей самыми лучшими французскими винами. К каждому блюду был приставлен отдельный лакей.

Нед знал, как вести эту игру. Он понимал, что нужно, чтобы добиться успеха в делах и влияния в политике.

– Я не могу ничего обещать, – сказал министр.

– Я и не прошу вас это делать, – ответил Нед.

– А какой порядок цен вы предполагаете?

– Разумный.

– Думаете, это получится?

Нед кивнул.

– Вы рискуете не меньше нас, а учитывая, что деньги ваши, возможно, даже больше.

– Чем выше риск, тем больше прибыль.

– Но если нас не поддержат и билль провалится…

– Вы это переживете.

– А вы? – спросил министр.

– О, это уже не ваша проблема. – Несколько секунд Нед смотрел прямо на министра, пока тот, в конце концов, не кивнул.

– Я завтра же пущу в дело свои рычаги.

– Значит, решено. – Нед протянул руку для рукопожатия.

Министр сглотнул. Его взгляд затуманила тень сомнения. Одно дело – говорить, другое дело – ударить по рукам. После рукопожатия на кону оказывалась честь мужчины.

В наступившей тишине все почувствовали себя неловко. Все, кроме Неда. В такие моменты, когда ему удавалось воспользоваться в своих целях неловкостью, вызванной у джентльменов его сомнительным происхождением, он испытывал какое-то порочное удовольствие.

Остальные трое в нервном напряжении ждали, что сделает министр.

Нед продолжал смотреть ему прямо в глаза. И не убирал руку. Оба стояли не шелохнувшись.

Наконец министр улыбнулся и пожал руку Неда.

– Вы меня убедили, сэр.

– Я рад это слышать.

Было уже больше шести вечера, когда ланч наконец закончился, и четверо мужчин, считавшихся одними из самых влиятельных в стране, покинули дом на

Кавендиш-сквер.

Дворецкий и два лакея вернулись в столовую и встали спиной к стене. Они смотрели прямо перед собой, сосредоточившись на какой-то удаленной точке. Неда поражало, что джентльмены могли обсуждать самые секретные детали бизнеса в присутствии слуг, как будто не считали их за людей, которые могли видеть и слышать то, что происходит у них на глазах. Нед так не считал и никогда не допускал подобных ошибок.

Он сидел за столом в одиночестве, держа в руке бокал, до половины наполненный вином. В солнечных лучах, которые, проникая из окон, окрашивали портвейн в темно-красный цвет, на поверхности бокала вспыхнула выгравированная монограмма – «С».

Министр колебался, но в конечном итоге дело было сделано. И теперь Нед испытал чувство мрачного удовлетворения.

Дворецкий откашлялся и подошел к нему сбоку.

– Еще вина, сэр?

– Нет, спасибо, Кларксон. – Нед подумал, что стал бы делать Кларксон, если бы он вдруг попросил портер. Но нет, джентльмены из Мейфэра не пили пива. Ни в дорогих заведениях, ни даже в собственных домах. И Нед должен был держать марку.

Однако портер напомнил ему об Уайтчепеле, о «Красном льве»… и об Эмме де Лайл. Ему вспомнились темные проницательные глаза, то живое тепло и радостная уверенность, которые исходили от нее.

Нед посмотрел из окна на солнце, на проезжающий мимо экипаж и почувствовал, как прохладный воздух свежей волной проник сквозь висевший в столовой сигарный дым.

У него были и другие дела. Но не сегодня.

Нед поставил свой изящный хрустальный бокал на стол и встал.

Рядом с ним снова возник дворецкий.

– Я ухожу, Кларксон.

– Хорошо, сэр. Должен ли я распорядиться насчет экипажа?

– Нет, экипаж мне не понадобится. – Там, куда он собирался, уж точно. – Сегодня приятный вечер. Я прогуляюсь пешком.

Нед переоделся в свою старую кожаную куртку и сапоги.

В душной застывшей атмосфере «Красного льва» жар с кухни смешивался с горячим воздухом летнего дня. Все окна и двери харчевни были открыты, но это почти ничего не меняло.

Воспользовавшись этой жарой, Нэнси заставила прислугу вытащить несколько столов на улицу, чтобы посетители могли сидеть там и наслаждаться пивом в прохладной тени.

– Три кувшина эля! – крикнула Нэнси.

Эмма поспешила на зов. Она чувствовала, как пот стекает каплями у нее по спине и между грудей. Эта смена казалась ей особенно долгой. У нее разболелись ноги, а ступни, казалось, горели огнем. Она подняла поднос и, попытавшись отбросить упавшие на глаза пряди, выбившиеся из прически, торопливо пошла по комнате к выходу как раз в тот момент, когда Нед Стрэтхем входил в харчевню.

Эмма наткнулась на него и едва не уронила поднос. Неду пришлось поддержать ее, не давая кувшинам соскользнуть на пол.

– Нед Стрэтхем, – сказала она, чувствуя, словно внутри вспорхнула стайка скворцов, устремившихся к закатному небу. – Работали два вечера подряд?

Эти голубые-голубые глаза встретились с ней взглядом и задержались на секунду дольше.

– Вы считали?

– Можно подумать, у меня было время считать.

Нед сделал шаг в сторону, давая ей пройти, и она заметила в его глазах довольный блеск.

Эмма не оглядывалась назад. Она вышла на улицу и стала разносить кувшины по столам посетителей. Но все это время она чувствовала, что он там, внутри. Слишком остро чувствовала. Эмма криво усмехнулась сама себе и продолжила убирать со столов, а потом пошла назад к бару.

Все места в зале оказались заняты, и Нед устроился у стойки. Удобно облокотившись на нее, он уже потягивал свой портер. Обилие народа, казалось, ничуть не беспокоило его, как и жара и отсутствие стола или стула.

– Шесть портеров, два маленьких пива и одно крепкое, Эмма! – выкрикнула Полетт и грохнула последние кружки на деревянную поверхность стойки рядом с Недом.

Эмма быстро подошла к бару и, разгружая свой поднос, скользнула взглядом в сторону Неда Стрэтхема.

– Сегодня у вас много работы, – заметил он.

– В доки зашла шхуна. И вся команда торчит у нас с самого ланча.

– Это же хорошо.

– Да, но не вовремя. Том сегодня не вышел. Нэнси приходится работать на кухне вместо него. – Говоря это, Эмма ставила на поднос новые кружки с портером.

– Бьюсь об заклад, что она так и дышит нежностью, – усмехнулся Нед.

– Вы хорошо ее знаете.

В это самое время в окошке показалось багровое от жары, залитое потом лицо Нэнси. Она шлепнула на стойку три тарелки.

– Три мяса на гриле! – Нэнси сверкнула недовольным взглядом в сторону Эммы.

– Где моя чертова еда?! – крикнул кто-то с противоположного конца зала.

– Еще одно слово – и она будет на твоей чертовой заднице! – крикнула в ответ Нэнси и бросила на мужчину такой взгляд, которым могла бы пробить дырку в стене.

Эмма и Нед обменялись веселыми озорными взглядами.

– Пейте с удовольствием, – сказала девушка и, подхватив по дороге тарелки, пошла разносить пиво.

– Давай, детка! А то мой желудок уже решил, что мне перерезали глотку! Сколько здесь нужно ждать, чтобы парню принесли выпивку? – выкрикнул посетитель, сидевший за столом в самом центре зала.

– Мы и так стараемся работать как можно быстрее! – взвизгнула обиженная Полетт, высунув из-за стойки красное потное лицо.

– Пять портеров, джентльмены. – Несмотря на то что голос Эммы звучал тихо на фоне громкого гомона, криков и смеха, он выделялся из общей массы. Она говорила как леди. Эмма быстро и ловко поставила пять кружек на стол перед пятью мужчинами и направилась дальше разносить те, что оставались на подносе.

Нед смотрел, как она стремительно пронеслась по залу к большому стоявшему в углу столу, где разместилась уже изрядно нагрузившаяся команда со шхуны. И замер, заметив, как один из них сделал попытку облапать Эмму, когда она наклонилась над столом, расставляя выпивку.

Она сделала какое-то легкое, едва заметное движение, и содержимое кружки оказалось у грубияна на коленях.

Моряк вскрикнул, выругался и, вскочив, уставился на темное пятно, расползавшееся по его штанам.

– Посмотри, что ты наделала, чертовка!

Его товарищи хохотали до упаду.

– Мне так жаль, – произнесла Эмма без малейшего намека на серьезность. – Я принесу вам другую кружку. И будем надеяться, что с ней не случится ничего подобного. – Эти слова сопровождались твердым предупреждающим взглядом.

Мужчина, ворча, уселся на свое место.

– Интересно, что натолкнуло вас на эту мысль? – спросил Нед Стрэтхем, когда Эмма вернулась к барной стойке. Его взгляд был сосредоточен на диске, катавшемся у него между пальцев.

– Действительно, интересно, – отозвалась Эмма.

Нед поднял на нее взгляд. Выбившиеся из прически влажные пряди волос, словно ветки черной ивы, обнимали золотистую кожу ее шеи. Покачивающаяся грудь, казалось, вот-вот выпадет из красного лифа. Он видел, как она поднималась и опускалась при каждом вздохе девушки. Ее щеки разрумянились от жары, а сверкавшие, как черные агаты, глаза смотрели прямо на него. Они обменялись улыбками, и Эмма снова пошла в зал. Она была такой яркой и полной жизни, что желание, которое Нед привык держать под контролем, вспыхнуло в нем с необычайной силой.

Между тем это относилось не только к Неду. Моряки тоже посматривали на нее. После нескольких месяцев, проведенных в море, большинство этих мужчин думали только о двух вещах: выпивке и женщинах. Первое они уже получили и теперь жаждали получить второе.

– Что ты делаешь после работы, дорогуша? Мы с тобой могли бы пойти куда-нибудь немножко выпить.

– Убери руки. Эмма, дорогуша, ты ведь пойдешь со мной, верно? – перебил его другой.

– Боюсь, и то и другое исключено, джентльмены. У меня свидание с моим нареченным, – ничуть не смутившись, ответила она, продолжая собирать со стола пустые кружки.

– Вот жалость.

Второго моряка это не убедило. Он жадным похотливым взглядом скользил по телу девушки, пока та возвращалась к стойке. И не он один. Только тот мужчина, в жилах которого текла вода, мог не желать ее. А то, что текло в жилах моряков, было совсем не похоже на воду.

Нед говорил себе, что выпьет всего одну кружку. Но теперь он уже не мог уйти. И даже не хотел. Он заказал Полетт еще один портер.

Прошел час, прежде чем толпа начала редеть, и два, прежде чем Полетт возвестила, что заканчивает принимать заказы.

Еще через полчаса оставшиеся посетители «Красного льва» расползлись по соседним улицам.

Эмма облокотилась на край стола, пытаясь снять тяжесть с ног, и стала застегивать свой плащ. Харчевня опустела. Столы были вытерты, перевернутые стулья поставлены на них. Пол подмели, чтобы назавтра осталось только протереть его. Нед Стрэтхем ушел какое-то время назад, пока она помогала Нэнси на кухне отскребать гриль. Ушел, даже не попрощавшись, подумала Эмма, но тут же поняла, какая это глупая мысль. Он был таким же посетителем, как все остальные. И если она обладала хоть малой толикой благоразумия, то должна была радоваться этому.

– Нед Стрэтхем положил на тебя глаз, Эм, – с лукавым видом заявила Полетт.

– Глупости. – Эмма сосредоточилась на пуговицах своего плаща и понадеялась, что тусклый свет не позволит Полетт заметить, как она покраснела.

– Я видела, как он смотрел на тебя. И задавал вопросы.

– Ему просто нечего делать, – отмахнулась Эмма.

Полетт ухмыльнулась:

– Мне так не кажется.

– Ну и денек! – Нэнси выплыла из кухни. – Хорошо бы Том пришел завтра, иначе у нас будут проблемы.

Нэнси отперла входную дверь, чтобы выпустить Эмму и Полетт.

– Будьте осторожны, девочки. Вокруг болтаются подгулявшие моряки.

Эмма кивнула, и они с Полетт вышли на улицу.

Последние вечерние лучи давно растаяли в чернильном небе. Дневная жара спала. Дверь с шумом захлопнулась у них за спиной. Впереди их поджидал одинокий моряк.

Эмма взглянула на Полетт.

– Все в порядке, Эм. Джордж говорил, что будет меня ждать. Он боцман на корабле, который стоит в доках, – объяснила Полетт.

Эмма понизила голос:

– Полетт…

– Я знаю, что делаю. Честно, Эм. Все будет хорошо, – прошептала Полетт и вместе с боцманом пошла дальше по улице.

За спиной у Эммы раздался звук лязгающих засовов. Нэнси запирала двери на ночь. Темноту нарушал только свет, падавший из высокого кухонного окна.

Эмма повернулась, намереваясь двинуться в противоположную сторону, к своему дому, и как раз в это время в самом начале улицы появились двое мужчин.

Глава 3

– Эмма, дорогуша, ты нас обидела.

В тусклом свете, падающем из кухонного окна, она узнала моряка, который приглашал ее пойти с ним выпить. Его лицо покрывала небритая щетина, а запах пива доносился до нее даже на таком расстоянии. Взгляд моряка был устремлен не на ее лицо – он впился в ее грудь, выступавшую из низкого декольте. У Эммы застучало сердце, страх змейкой проник в ее вены. Но она не подала виду. Вместо этого она с презрением посмотрела на мужчин и плотнее завернулась в плащ.

– Видишь, как хорошо, что мы за тобой пришли, раз уж тут нет никаких признаков твоего «нареченного». Может, теперь мы сможем узнать друг друга чуть-чуть получше.

– Я так не думаю, джентльмены.

– Ишь ты, она так не думает. Придется нам убедить тебя, дорогуша. – Они засмеялись и двинулись к ней.

Рука Эммы скользнула в карман плаща как раз в тот момент, когда рядом с ней из темноты появился Нед Стрэтхем.

Эмма затаила дыхание.

Его лицо казалось бесстрастным, но в холодных глазах светилась острая, как нож, угроза. Он посмотрел на моряков. Просто посмотрел. Но этого хватило, чтобы остановить их.

Тот, который завел разговор, вытаращил глаза и сглотнул, а потом поднял руки вверх.

– Извини, приятель. Я не знал…

– Нет, ты знал, – сказал Нед очень тихим голосом, заставившим мужчин вздрогнуть.

– Ладно, мы не хотели ничего плохого. – Моряки попятились. – Думали, она морочит нам голову своим нареченным. Она твоя. Мы уже уходим.

Нед проследил, пока они не скрылись из виду и их шаги не затихли вдалеке. Только тогда он взглянул на Эмму.

В слабом дрожащем свете, сочившемся из кухонного окна, его глаза казались почти такими же темными, как ее, превратившись из небесно-голубых в темно-синие, цвета ночного неба. У него было выражение человека, которого ничто не способно остановить. Любого другого оно заставило бы выглядеть жестоким. Но его делало красивым. Твердый решительный изгиб губ. Крупный мужской нос с небольшим прогибом на переносице. Одной рассеченной шрамом брови хватало, чтобы у женщины захватило дух. Стоило ее взгляду чуть задержаться на ней, и сердце Эммы забилось быстрее. Она снова посмотрела ему в глаза.

– Что вы здесь делаете, Нед? – осторожно спросила она тихим голосом.

– Дышу воздухом.

Они смотрели друг на друга.

«Она твоя». Ей показалось, что слова моряка тихим эхом отозвались в воздухе, и щеки Эммы потеплели.

– Не думал, что вы сделаете такую глупость – идти домой в одиночку в этой темноте.

– Обычно не делаю. Том живет на соседней от меня улице. Обычно он меня провожает.

– Но сегодня Тома нет.

– Поэтому я прихватила у Нэнси нож. – Эмма достала из кармана нож, и в лунном свете блеснуло его стальное лезвие.

– Это бы их не остановило.

– Может быть, и нет. Но уверяю вас, доставило бы им массу неприятностей.

Наступила звенящая тишина.

– Вы хотите попытать счастья с ножом или примете мое предложение доставить вас домой в целости и сохранности?

Эмма сглотнула, понимая, что он ей предлагает. Ее охватило смятение.

– Только в том случае, если вы понимаете, что речь может идти только о том, чтобы проводить меня до дому. – Она встретилась с ним взглядом, смотря ему в глаза с насмешливой уверенностью.

– Вы полагаете, что я не джентльмен? – Его голос звучал совершенно серьезно, однако разбойничья бровь со шрамом приподнялась вверх.

– Напротив. Я уверена, что вы настоящий джентльмен.

– Возможно, не совсем настоящий.

Эти слова заставили Эмму улыбнуться. Она наконец немного успокоилась, преодолев шок, который испытала, увидев его, и снова убрала нож в свернутое кухонное полотенце, лежавшее в кармане ее плаща.

– Нам надо идти, – сказал Нед.

И они вместе пошли по улице. Они шагали в ногу, и более громким, тяжелым звукам его шагов вторили более легкие шаги Эммы.

До Сент-Кэтринс-Лейн они дошли, так и не произнеся ни слова.

– Вы ведь знакомы с теми моряками, которые меня поджидали, верно?

– С чего вы взяли?

– Не пытайтесь обмануть меня, Нед Стрэтхем.

– В мои намерения не входит кого-то обманывать.

Эмма испытующе посмотрела на него, прежде чем задать вопрос, который ей хотелось задать с самого первого вечера, когда он пришел в «Красный лев».

– Кто вы такой?

– Всего лишь человек из Уайтчепела.

– И тем не менее… У вас под курткой надета рубашка, выглядящая так, словно ее купили в Мейфэре. И она идеально подходит вам по размеру. Совсем необычно для человека из Уайтчепела. – Нед мог быть преступником. Главарем шайки разбойников. Жестоким главарем. Иначе откуда такой человек, как он, мог взять деньги на такую рубашку? Наверное, задавая этот вопрос сейчас, когда они были одни в темноте, она поступала не самым разумным образом, но он вырвался, прежде чем Эмма успела как следует подумать. К тому же, если бы она не спросила об этом сейчас, ей могло не представиться другой возможности. Эмма смотрела ему в глаза, не обращая внимания на участившийся стук своего сердца, и надеялась, что Нед скажет ей правду.

– Вы разглядывали мою рубашку?

Она засмеялась и покачала головой:

– Я не могла ее не заметить. Как и добрая половина нашей харчевни. Вы весь вечер просидели без куртки.

– Но половина вашей харчевни не распознала бы в ней рубашку из Мейфэра. – Нед говорил полусерьезно-полушутливо.

У Эммы екнуло сердце, но она стойко выдержала его взгляд, как будто они не подошли совсем близко к запретной теме.

– Так вы признаете, что она куплена в Мейфэре?

– У «Грейвс и Уорсестер».

– И как человек из Уайтчепела мог оказаться одетым в рубашку от самых дорогих портных в Лондоне?

– А каким образом девушка из харчевни в Уайтчепеле может оказаться знакомой с такими вещами и знать, сколько они стоят?

Эмма улыбнулась, но ничего не сказала. Теперь, когда он тоже начал задавать вопросы, ей не хотелось отвечать.

– Расскажите свою историю, Эмма.

– Это долго и неинтересно.

– История такой девушки, оказавшейся в таком месте? – Нед с сомнением поднял разбойничью бровь.

Эмма молчала. Ей очень хотелось побольше разузнать о нем, но только не ценой собственной откровенности.

– Не хотите раскрывать свои карты? – спросил он.

– Я убедилась, что это самый лучший способ.

Нед улыбнулся:

– Такая женщина мне по сердцу.

Они продолжали идти, и их шаги гулко отдавались в тишине.

Он посмотрел ей в глаза:

– Говорят, что вы работали в Мейфэре.

Эмма сама пустила этот слух.

– Я служила горничной у одной леди. – Она смотрела прямо перед собой. Если Нед еще не слышал этой истории в «Красном льве», то все равно скоро услышит. Это было единственное разумное объяснение ее манерам и выговору. Многие горничные перенимали повадки у своих хозяек. К тому же это была не совсем откровенная ложь, сотни раз уговаривала себя Эмма. Ей действительно приходилось работать горничной, и она подробно изучила это занятие, как, впрочем, и всю другую работу женской прислуги от посудомойки до домоправительницы. Каждая женщина должна знать, что и как делается в доме, чтобы правильно вести хозяйство.

– Это многое объясняет. И что случилось?

– Вы задаете много вопросов, Нед Стрэтхем.

– А у вас много секретов, Эмма де Лайл.

Их взгляды схлестнулись и надолго задержались друг на друге. И кроме вызова, в них было что-то еще. Первым сдался Нед. Он улыбнулся и отвел глаза.

Эмма облегчено вздохнула.

По другой стороне Майнорис-Роуд нетвердой походкой брели несколько мужчин, возвращавшихся домой из «Кингс-Хэд». Их голоса звучали громко и возбужденно, движения были неуверенными. Они выкрикивали ругательства и оскорбляли друг друга. Один остановился, решив сорвать злость на фонарном столбе.

Эмма взглянула на Неда и поняла, что он думает о том, какова бы она была со своим ножом против этих шестерых.

– Он просто дал бы мне небольшую паузу, пока они сообразят, что к чему, – попыталась оправдаться она.

Однако, несмотря на все свои уверения и тяжесть кухонного ножа в кармане плаща, она была очень рада тому, что сейчас рядом с ней шел Нед Стрэтхем.

Мужчины не стали выкрикивать непристойности в адрес Эммы, что сделали бы непременно, если бы с ней был Том. Они ничего не сказали, просто со своей стороны улицы тихо наблюдали, как Эмма и Нед проходят мимо.

Они тоже молчали. Просто прежним уверенным шагом продолжали идти вперед по Майнорис-Роуд, пока пьяницы не остались далеко позади. Наконец они повернули на темную узкую улочку, на которой жили Эмма с отцом. На улице не было фонарей, и только серебристый свет луны направлял их шаги среди рытвин и выбоин. Примерно в середине улицы Эмма остановилась у дверей обшарпанного дома, где располагался пансион.

– Ну, вот и все. Это мой дом.

Нед посмотрел на здание, потом перевел взгляд на Эмму.

В темноте они смотрели друг на друга.

– Спасибо, что проводили меня, Нед.

– Это самое меньшее, что я мог бы сделать для своей нареченной, – ответил он со своим обычным решительным выражением. Однако в его глазах Эмма уловила намек на улыбку.

Она улыбнулась в ответ и покачала головой, понимая, что он ее дразнит, но, когда вспомнила, что сказали моряки на улице, ее щеки вспыхнули.

– Надо было сказать им правду.

– И разорвать нашу помолвку? Так быстро?

– Неужто это разбило бы вам сердце?

– Определенно.

Дразнящие нотки исчезли. А вместе с ними и защитная стена, разделявшая их.

Глаза Неда неотрывно смотрели на нее, и Эмма чувствовала, что не может отвести взгляд, даже если бы захотела. Словно сам воздух вокруг них стал чувственным. Притяжением. Желанием. Запретной страстью. У Эммы внутри затрепетали крылья сотен бабочек. Ей казалось, что в окружавшей их ночной тишине ее сердце стучит слишком громко. Все ее тело охватила нервная дрожь.

Она взглянула на окно второго этажа, где сквозь тонкую занавеску проглядывал слабый свет единственной свечи.

– Меня ждет отец. Я должна идти.

– Да, должны.

Но Эмма не двигалась с места. Нед тоже.

Он смотрел на нее так, что все умные мысли разом покинули ее голову. Он смотрел на нее так, что у нее перехватило дыхание.

Нед двинулся вперед, сокращая расстояние между ними, пока они не оказались настолько близко, что мыски их обуви касались друг друга.

– Вы, кажется, говорили, что вы настоящий джентльмен?

– Это говорили вы, а не я. – Его глаза скользнули по лицу Эммы, задержавшись на ее губах, и она поняла, что он хочет ее поцеловать. И одному Богу известно, что сделала с ней жизнь в Уайтчепеле, потому что в этот миг она тоже хотела этого. Очень хотела.

Их тела соприкоснулись и это прикосновение было как ожог. В лунном свете глаза Неда затуманились и стали совсем темными. Их упорный взгляд не отрывался от Эммы. Она знала, что ему от нее нужно. Эмма достаточно долго прожила в Уайтчепеле, чтобы понимать игры, в которые играли здесь мужчины и

женщины.

Ее дыхание сделалось шумным и прерывистым.

Они продолжали смотреть друг другу в глаза.

Напряжение нарастало до тех пор, пока Эмма не почувствовала, что больше не выдержит ни секунды.

Сильная рука Неда медленным движением обвилась вокруг ее талии, давая ей возможность в любой момент сказать ему «нет». Но Эмма этого не сделала. Она неуверенным жестом положила ладони ему на грудь.

Нед наклонился к ней.

Ее губы потянулись ему навстречу.

А потом губы Неда коснулись ее, и он стал ее целовать.

Его поцелуй был ласковым и уверенным, нежным и страстным. Нед был самым сильным и опасным из всех, кого она знала, но он не принуждал ее, не пытался применить силу. Он не был ни грубым, ни навязчивым. Ей показалось, что он скорее давал, чем брал. Лаская губы Эммы, дразня, заставляя ее испытывать ощущения, которых она не знала прежде. Заставляя ее желать, чтобы это никогда не кончалось.

Рука девушки невольно поднялась вверх и легла на его широкое плечо, а затем обхватила его шею, давая почувствовать его силу и тепло.

Нед сильнее прижал ее к себе, его поцелуй стал крепче. Его язык коснулся ее языка.

Он целовал ее, и она забыла про свою бедность и про все трудности.

Он целовал ее, и она забыла о своем горестном прошлом и перестала тревожиться о будущем.

Он целовал ее, и в мире больше не осталось ничего, кроме этого мужчины и этого момента волшебства, безумия и страсти, вспыхнувшей между ними.

Когда Нед остановился и отодвинулся назад, чтобы заглянуть ей в лицо, ее сердце стучало ему в грудь, как молот по наковальне, а кровь неслась по жилам с такой скоростью, что у нее закружилась голова.

– Теперь вам надо подняться наверх, пока я не передумал быть настоящим джентльменом. – Он нежно погладил ее по щеке тыльной стороной пальцев.

Эмма на трясущихся ногах шагнула к двери пансиона и вошла внутрь. Она не оглядывалась назад, но чувствовала, что Нед Стрэтхем все еще стоит на месте и смотрит на нее. Сердце в груди прыгало и стучало. Кровь кипела. Нервы превратились в натянутые струны. Эмма тихонько прикрыла дверь, чтобы не раз будить соседей. Прислонившись спиной к облезлой двери, она глубоко вдохнула, пытаясь успокоить дрожь в теле и неистовый бег крови, перед тем как подняться по лестнице и встретиться с отцом.

– Это я, папа, – тихо позвала она.

Однако отец не слышал ее, шумно посапывая в старом кресле.

Эмма подошла к окну и, отодвинув занавеску, посмотрела вниз на улицу.

Нед Стрэтхем вежливо приподнял шляпу. И только убедившись, что она благополучно добралась до своей комнаты, пошел прочь.

Эмма задула все свечи, кроме одной, и стояла, глядя вслед Неду, пока его высокая широкоплечая фигура не исчезла в темноте. Лишь тогда она повернулась у отцу.

Даже во сне его лицо выглядело изможденным.

– Папа, – шепнула Эмма, легко коснувшись губами глубоких морщин, прорезавших его лоб.

– Джейн? – Это было имя ее матери.

– Это я, Эмма.

– Эмма… Ты благополучно добралась, моя девочка?

– Да, все в порядке, – подтвердила она, снова подумав о человеке, которому была этим обязана. – Давай я уложу тебя в постель.

– Я справлюсь сам, дорогая. – Отец поднялся и, с трудом передвигая затекшие ноги, прошаркал в маленькую комнату.

Дверь закрылась с тихим щелчком. Эмма осталась одна.

Она приложила пальцы к губам, опухшим от поцелуя, и поняла, что не должна была целовать Неда Стрэтхема.

Он был обитателем Уайтчепела, человеком из другого мира, не похожего на ее мир, завсегдатаем харчевни «Красный лев». Он был жесток, опасен и скрывал в себе темные тайны. С ним у нее не было будущего. Все это Эмма прекрасно понимала. Ее мать перевернулась бы в могиле, если бы узнала о том, что произошло.

Но когда она зашла за ширму, чтобы переодеться в ночную рубашку, то почувствовала незнакомый сладковатый запах плесени, а оставшийся на платье запах мыла, кожи и чего-то еще, присущего только мужчине. И тогда, откинув изношенное одеяло и забравшись на свою узкую, грубо сколоченную кровать, Эмма ощутила, как по всему телу разливается тепло.

Она лежала с открытыми глазами, уставившись в темноту. Говорят, когда дьявол искушает, он посылает сердцу страсть. Кого-нибудь высокого, красивого и опасного. Эмма опустила веки, но перед глазами по-прежнему стояли пронзительные голубые глаза Неда, а губы покалывало от его пылкого поцелуя.

Когда же усталость наконец погрузила Эмму в благословенный сон, ей приснился высокий, красивый и опасный человек, искушавший ее поддаться запретной страсти и, бросив свои отчаянные попытки вырваться из Уайтчепела, остаться здесь с ним. В этом сне она уступила желанию своего сердца и почувствовала себя свободной от всех обязательств.

На следующий день Том так и не пришел в «Красный лев», а Нед Стрэтхем пришел.

Их взгляды встретились, и воспоминание о событиях прошлой ночи нахлынуло, словно морской прилив. Эмма поспешила отвернуться и занялась обслуживанием очередного стола. Внутри ее снова затрепетали бабочки, но она понимала, что после случившегося должна расставить все точки над «i». Когда ее поднос опустел, она подошла к столу, за которым в одиночестве сидел Нед.

Голубые глаза смотрели прямо на нее.

Почувствовав, что сердце застучало чаще, она глубоко вздохнула, а затем, спокойно повернувшись к Неду лицом, тихо – так, чтобы мог слышать только он, – и твердо произнесла:

– То, что случилось прошлой ночью, не должно было произойти. Я не должна была допускать этого. Это моя ошибка, Нед.

Он ничего не ответил.

– Я не из таких женщин.

– Вы полагаете, что я из таких мужчин?

– Эта харчевня стоит недалеко от доков, если вы помните. Здесь все мужчины из таких.

Нед улыбнулся ее словам, но улыбка получилась мрачной.

– Хотите сказать, разбойники, а не джентльмены.

– Я этого не сказала.

– Но именно это вы имели в виду.

Он взглянул в сторону бара, туда, где сновала Полетт, а потом снова посмотрел на Эмму. С кухни доносились ругательства Нэнси.

Эмма поняла: он знает, что Том снова не пришел, и проводить ее домой опять будет некому.

Нед смотрел на нее таким взглядом, что ее уверенность пошатнулась.

– Эмма! – раздался вопль Нэнси.

– Вы не обязаны провожать меня домой.

– Нет, – согласился он.

Их взгляды схлестнулись в странном поединке характеров, хотя оба понимали, что все уже решено. Нед Стрэтхем не собирался давать ей шанс испытать судьбу на ночных улицах Уайтчепела с кухонным ножом в кармане.

– Эмма, поди сюда! – Голос Нэнси звучал так, словно она теряла последние остатки своего недолгого терпения.

Нед опять проводил ее домой. И опять поцеловал ее. И Эмма уже не пыталась убедить себя в том, что она этого не хотела.

С того дня он стал приходить в «Красный лев» каждый вечер, даже после того, как вернулся Том. И каждый вечер провожал ее домой. И каждый вечер целовал.

* * *

Нед сидел, прислонившись спиной к выщербленной от старости каменной стене, и катал диск между пальцами. На церкви Святого Олейва пробило десять. Утренняя смена внизу в доках началась пять часов назад.

На голубом небе не было ни облачка. Нед ощущал спиной тепло древних камней. Его шляпа лежала рядом с ним на скамейке, волосы шевелил легкий бриз. Это

было его привычное место. И привычный вид.

Мысли Неда вертелись вокруг прошлой ночи и Эммы де Лайл. Уже две недели он каждый день провожал ее, но девушка по-прежнему не шла у него из головы. Со своими темными глазами и острым умом, она ничуть не робела рядом с ним. И скрывала не меньше секретов, чем он сам. Горничная, не желавшая говорить ни о причинах своего увольнения, ни о своем происхождении. Эмма была находчива, решительна и горда. В Уайтчепеле он встречал немного таких женщин. Точнее, ни одной. А за всю свою жизнь в Уайтчепеле Нед много чего повидал. Он повидал все, что можно.

Жизнь не согнула ее, не выпила ее соки. Ее манера держаться и уверенность в себе очень напоминали манеры тех, кто провел жизнь в богатстве. Похоже, она многому научилась у своей госпожи. Такая женщина, как Эмма де Лайл, могла быть гордостью любого мужчины на протяжении всей жизни. С течением времени эта мысль все более крепла в нем.

И еще он хотел ее. Нед, который не привык поддаваться своим желаниям, страстно хотел ее. Свои ночи, а иногда и дни он проводил представляя себе, как расшнуровывает узкий лиф красного платья, раздевая ее. Как укладывает ее в свою постель. Нед отбросил эти мысли. Сосредоточился. Он привык к дисциплине. Привык придерживаться плана.

А в его планы никогда не входила такая женщина, как Эмма. Его планы подразумевали кого-то совсем другого. Но она была для него как глоток свежего воздуха в жаркий день. Эмма обитала в Уайтчепеле, как и он, но ее горизонты простирались гораздо дальше. Она вкусила жизни в другой части Лондона. И у Неда возникло ощущение, что Эмма поняла бы то, что он делал, и чувствовала бы то же, что и он. А ведь успех во многом зависит от понимания того, когда нужно четко придерживаться плана, а когда стоит проявить гибкость.

Нед поднял глаза.

Через дорогу стояла заброшенная фабрика, где когда-то делали уксус. На ее дырявой крыше голуби и чайки вели борьбу за верховенство. Из потрескавшихся стен росла трава.

За спиной Неда возвышался Тауэр-Хилл, а над головой раскинулась зеленая сень ветвей бука. Он слышал, как шепот листьев на ветру сливается с поднимающимся со стороны лондонских доков ритмичным стуком молотков, скрипом и грохотом передвигаемых ящиков, визгом лебедок, лязганьем цепей и храпом рабочих лошадей, везущих телеги.

«Мужчина может прожить всю жизнь и никогда не встретить такую женщину, как Эмма де Лайл».

Пальцы Неда играли с диском, а он продолжал наблюдать за людьми, трудившимися внизу в доках над разгрузкой судна. За людьми, которых знал всю свою жизнь, которые были его друзьями, по крайней мере, до недавнего времени.

Его внимание привлек звук шагов. Нед поднял глаза и мгновенно узнал идущую женщину, несмотря на то что она была одета не в тесно облегающее красное платье, а в респектабельный узорчатый муслин и зеленую шаль, а ее волосы и большую часть лица скрывала выцветшая соломенная шляпка с зеленой лентой. Эмма де Лайл. Казалось, она появилась здесь по воле его воображения. Завидев Неда, она слегка замешкалась, как будто колебалась, не стоит ли ей повернуть назад.

Он сунул диск в карман жилета и встал.

Эмма продолжала идти вперед, но, подойдя ближе, остановилась, соблюдая приличествующую дистанцию между ними.

– Нед.

Казалось, страсть прошлой ночи горячим ветром дунула им в лицо.

Нед отвесил приветственный поклон.

Однажды, много лет назад, он видел наполненные густым медом пчелиные соты. При ярком дневном свете глаза Эммы казались не темными и загадочными, как в «Красном льве», а такими же светлыми, медовыми.

На мгновение их взгляды задержались друг на друге, и эхо прошлой ночи снова накрыло их, как приливная волна.

– Похоже, судьба снова заставила вас оказаться на моем пути, Нед Стрэтхем. Или меня на вашем.

– И кто мы такие, чтобы спорить с судьбой?

Они первый раз видели друг друга при дневном свете.

Дорога, по которой шла Эмма, вела только из одного места.

– Вы ходили в доки?

– Там работает мой отец. Я относила ему хлеб и сыр.

– У него внимательная дочь.

– Не очень. Он работал вчера допоздна, а сегодня начал очень рано.

Но она тоже работала вчера допоздна и, без сомнения, рано встала сегодня. По лицу Эммы пробежала легкая тень беспокойства.

– Отнести ему завтрак – это самое малое, что я могу для него сделать. У него был перерыв на четверть часа в…

– В половине десятого, – закончил Нед.

Она подняла брови в невысказанном вопросе.

– Я тоже работал в доках.

– А теперь?

– А теперь нет. Не будем открывать карты, – сказал он.

Эмма засмеялась и слегка расслабилась, отчего ее очарование только усилилось.

– Смена начинается в пять. Ваш отец закончит в четыре.

– Если бы. – При упоминании об отце она снова нахмурилась. Дважды за пять минут. Нед никогда не видел, чтобы она волновалась, даже тогда ночью, когда оказалась одна на улице против двух моряков. – Он работает в две смены.

– Хорошие деньги, но тяжело.

– Очень тяжело. – Эмма взглянула вниз на доки у подножия холма, и ее глаза затуманила тень. – В его годы для мужчины, не привыкшего к физическому труду, это очень тяжелая работа.

– И чем он занимался раньше?

Ни один мускул на ее лице не дрогнул. Эмма просто стояла и не двигалась, как статуя. Однако ее неподвижность говорила о том, что она не намерена ничего рассказывать.

Взгляд Эммы был по-прежнему устремлен на доки.

– Не физическим трудом, – ответила она. Девушка обернулась и посмотрела на него, спокойная и неподвижная. Однако ее глаза смотрели напряженно и с вызовом. Внезапно Эмма улыбнулась неожиданно теплой улыбкой.

– Я переживаю за отца, вот и все. Работа тяжелая, а он не молод.

– У меня сохранились в доках кое-какие знакомства. Я мог бы замолвить словечко. Узнать, нет ли у них работы полегче.

– И вы готовы это сделать?

– Возможно, у них ничего не будет, но я спрошу. – Однако у них было. Нед мог сделать так, чтобы было. – Если вы хотите.

Он догадался, о чем думала Эмма.

– Я не ставлю никаких условий, – пояснил он.

Глаза Эммы пытливо вглядывались в Неда. Она смотрела на него так, как не смотрела ни одна женщина до нее. Как будто могла разглядеть его насквозь, до самых потаенных уголков души, увидеть, что скрывалось в его сердце.

– Я бы очень хотела этого, – сказала она.

Нед кивнул.

Наступила пауза, а потом Эмма сказала:

– Мой отец образованный человек. Он прекрасно разбирается в математике и во всем, что связано с цифрами.

– Он получил хорошее образование?

Она кивнула:

– Хотя я не уверена, что это пригодится в доках.

– Представьте, может.

Они стояли и молча смотрели, как рабочие разгружают судно, хотя внимание каждого из них было приковано к другому.

– Чем бы вы ни зарабатывали на жизнь, Нед, и даже если вы участвуете в чем-то незаконном… но если вы в состоянии помочь моему отцу…

– Вы принимаете меня за разбойника… – Он поднял бровь. – Неужели я похож на разбойника?

Взгляд Эммы упал на его рубашку, а потом снова скользнул на лицо, затем задержался на брови со шрамом и, в конце концов, остановился на его глазах.

– Да, – просто ответила она.

– Из-за моей рубашки из Мейфэра.

– И из-за этой брови, – добавила Эмма.

– А что плохого в моей брови?

– Она придает вам совершенно разбойничий вид.

Эти слова заставили Неда улыбнуться.

Эмма тоже улыбнулась.

– Но если я разбойник?…

Она взглянула в сторону и едва заметно пожала плечами:

– Это не влияет на мое мнение о вас.

– И что же вы обо мне думаете, Эмма?

Она искоса посмотрела на него:

– Не будем открывать карты, Нед.

Он засмеялся.

– Мне надо идти. Придется оставить вас наедине с вашими размышлениями.

Они снова смотрели друг другу в глаза.

– Посидите со мной, – сказал Нед, впервые в жизни поддавшись внезапному порыву. Его глаза дерзко призывали Эмму согласиться.

Он увидел, как взгляд Эммы снова скользнул по его брови со шрамом, казалось лаская ее, и нарочно выгнул бровь с самым коварным видом.

Эмма улыбнулась.

– Хорошо, но только совсем недолго. – Она расправила юбку и села на скамейку.

Нед опустился рядом с ней.

Где-то рядом гудела пчела. Вверху на ветке пел черный дрозд.

Взгляд Эммы оторвался от доков и переместился на старинную фабрику. Потом скользнул по облупленной, выщербленной стене на дорогу с ошметками конского навоза.

– Зачем вы здесь? – спросила она.

– Я здесь вырос. Это напоминает мне о детстве.

– Суровые места.

– Не для слабонервных, – согласился Нед. – Дети здесь быстро взрослеют.

– Думаю, да.

На какое-то мгновение оба размышляли над сказанным. А потом забыли об этом, поддавшись мирной красоте утра и открывавшейся перед ними панораме.

– Красивый вид, – заметила Эмма, глядя на море поверх доков, в которых сновали рабочие.

Нед повернул к ней голову, недоумевая, не шутит ли она.

– Мужчины, занятые полезным делом, всегда выглядят красиво, – хрипло произнес он.

– Я не думала об этом, – с улыбкой ответила она. – Этот вид напомнил мне картины Каналетто. – Ее глаза снова обратились к старинной фабрике. – От некоторых его работ тоже веет величием старинных руин.

– Не знаю. Я никогда не видел картин Каналетто.

– Думаю, они бы вам понравились.

– Возможно.

Говоря эти слова, Эмма не отрывала глаз от полуразрушенного здания.

– Рухнувшие остатки былого величия. Слева на крыше гнездятся голуби. Мой отец называет их крылатыми крысами.

– В крысе больше мяса.

Она засмеялась, как будто это была шутка. Но Нед не шутил. Он думал о том, сколько раз крысиное мясо означало для него границу между голодом и смертью.

– Когда-нибудь здесь все изменится, – сказал он. – И место рухнувших остатков былого величия займет созданное заново.

– Но тогда из стен уже не смогут расти фиалки.

– Это сорняки.

– Не сорняки, а самые нежные из цветов. Они всегда растут на старых садовых стенах. Я точно знаю. – У нее сделалось такое лицо, как будто она вспомнила о чем-то, и это воспоминание доставляло ей боль и радость одновременно.

Эмма повернулась к Неду. Он смотрел на нее так, будто видел самую суть ее натуры.

– Я запомню это, Эмма де Лайл, – сказал он, не сводя с нее пристального взгляда.

«Мужчина может прожить всю жизнь и не встретить такую женщину, как Эмма де Лайл», – снова шепнул ему внутренний голос.

Они смотрели друг на друга с неприкрытой искренностью. И казалось, весь окружающий мир растаял.

Нед наклонился и поцеловал ее. Прямо посреди этого прекрасного солнечного дня.

Эмма была такой нежной, такой милой. От нее пахло летом и солнцем, а под этим запахом таился аромат женщины.

Он целовал эту прекрасную женщину нежно, чувствуя, как она отвечает на его поцелуй. В нем вспыхивало и разгоралось желание. Его поцелуй становился все крепче, руки обхватили ее, и их тела инстинктивно прильнули друг к другу. Нед сгорал от желания, ощущая близость ее бедер и мягкое прикосновение грудей. Рука Эммы, скользнув к нему под куртку, гладила ткань рубашки на груди в том месте, где билось его сердце.

Но потом ее ладонь уперлась ему в грудь, отстраняя его.

Их губы разомкнулись.

– День в самом разгаре, Нед Стрэтхем! – Щеки Эммы вспыхнули. Ее глаза потемнели от страсти и потрясения. – Нас могут увидеть.

Нед вскинул бровь со шрамом.

Эмма покачала головой, словно укоряла его. Но потом улыбнулась и встала со скамейки.

Он встал вслед за ней.

Послышалось насвистывание, и из-за угла показалась фигура мужчины, катившего по дороге тележку с рыбой. Эрни Бриггинс – один из лучших клиентов «Красного льва».

– Доброе утро, Нед.

Нед кивнул в ответ.

Глаза Эрни с любопытством уставились на Эмму. Он едва сдержал улыбку.

– Доброе утро, Эмма.

– Доброе утро, Эрни. – Щеки Эммы сделались пунцовыми.

Эрни не останавливаясь продолжил свой путь, оставив после себя запах трески и устриц да негромкую трель своего свиста.

Эмма молча подняла брови и посмотрела на Неда с таким видом, будто хотела сказать: «Ну вот, я же предупреждала».

– Лучше я провожу вас домой, пока к вам не пристали другие разбойники.

– Спасибо, но мне будет спокойнее, если я пойду одна. Оставайтесь здесь и наслаждайтесь видом. – Эмма пристально посмотрела Неду в глаза. – Я настаиваю. – Она сделала шаг назад. Улыбнулась и повернулась, чтобы уйти.

– Эмма…

Девушка остановилась. Оглянулась назад.

– На следующей неделе меня не будет в городе. Я должен уехать по делам. Но я вернусь.

– Вы так пристрастились к портеру?

– Похоже, я пристрастился к чему-то еще, – тихо ответил он. – Когда я вернусь, нам надо будет поговорить, Эмма.

– Звучит очень серьезно.

– Так оно и есть. – Помолчав, Нед спросил: – Вы будете меня ждать?

Ее глаза тихо и внимательно смотрели на него.

– Я никуда не уезжаю, Нед Стрэтхем.

Еще секунду они серьезно и упорно смотрели друг на друга.

– Я буду ждать, – тихо сказала она.

Они улыбнулись друг другу, и Эмма пошла своей дорогой.

Нед смотрел, как она уходила, растворяясь в лучах солнечного света, пока совсем не скрылась из вида.

«Мужчина может прожить всю жизнь и никогда не встретить такую женщину, как Эмма де Лайл». Но только не Нед.

В красивом новом платье даже в Мейфэре Эмма казалась бы на своем месте. Нед улыбнулся и, взяв шляпу, отправился в длинный путь через весь город.

Письмо пришло на следующее утро.

Эмма стояла в своей комнате, залитой золотым солнечным светом, держа в руках сложенную и скрепленную печатью бумагу. Улыбка, со вчерашнего дня не сходившая с ее лица, исчезла.

Ей пришлось отдать драгоценный шиллинг из их накоплений, чтобы заплатить мальчику-почтальону, но это пожертвование было добровольным. Эмма продала бы и свои башмаки, и последнее приличное платье, лишь бы получить это

письмо и то, что могло в нем содержаться.

Ее охватило возбуждение, как перед боем. Сердце понеслось галопом.

Бумага была белой и дорогой, на лицевой стороне изящным почерком черными чернилами было написано имя ее отца. Но имя отправителя отсутствовало, и красная восковая печать не давала ключа к разгадке.

Эмма сглотнула и сделала глубокий вдох, чтобы унять тревогу. Письмо могло оказаться совсем не тем, которого они с отцом с надеждой и страхом ждали последние два года.

Вдали колокола пробили час дня.

Эмма положила письмо на потертый деревянный стол. Посмотрела на него, думая о том, что отец придет с работы раньше ее, а когда она вернется из «Красного льва», он уже наверняка будет спать. Эмма прекрасно осознавала, что, вполне возможно, в этих сложенных листках бумаги содержатся сведения о том, что до времени свело в могилу ее мать и заставило побелеть волосы отца.

Кит. Она закрыла глаза, думая о своем младшем брате, и поняла, что не сможет дожить до конца дня, не выяснив, нет ли в письме новостей о нем. И ее отец тоже. Он точно так же, как Эмма, захочет это узнать. Независимо от того, будут ли эти новости хорошими… или плохими.

Эмма накинула на плечи шаль, нацепила на голову шляпку и, крепко зажав письмо в руке, направилась в лондонские доки.

Глава 4

Эмма почти ничего не знала о том складе, где работал отец. Он ничего ей не рассказывал, и ей впервые предстояло увидеть место, где отец теперь проводил большую часть своей жизни.

Все пространство склада вдоль стен занимали огромные полки, заставленные тюками и коробками. Окна, расположенные на крыше, были открыты, но из-за летней жары и тяжелой работы многие мужчины работали без рубашек. Завидев их обнаженные торсы, Эмма покраснела и, быстро отведя глаза в сторону, проследовала по складу за бригадиром грузчиков. В конце концов, миновав узкие проходы между полками, они добрались туда, где другая бригада голых по пояс мужчин поднимала ящики вверх по лестнице, чтобы уложить их на верхние полки.

– Билл де Лайл! – крикнул бригадир. – К тебе пришли.

Один из мужчин вышел вперед, и Эмма с ужасом узнала своего отца.

– Папа? – Увидев его костлявое старческое тело, отощавшее от тяжелой работы, она забыла обо всем.

– Эмма? – Ее потрясенный возглас эхом отозвался в голосе отца. Он мгновенно схватил свою рубашку и надел ее через голову. – Что случилось? Что стряслось, что ты пришла сюда?

– Письмо. Оно адресовано тебе. Я подумала, что в нем могут быть новости от… – Эмма не закончила предложение. Она лишь молча прикусила губу.

– Прошу меня извинить, джентльмены. Я отойду на пару минут, мистер Сирс, – сказал отец стоявшим за его спиной мужчинам и бригадиру, который привел Эмму.

Он отвел ее в сторону.

– Билл?

– Так меня здесь называют.

Эмма слегка улыбнулась. Но когда она передавала письмо отцу, улыбка исчезла.

– Может, мне не стоило приносить его сюда, но я подумала… – Она замолчала, глядя, как отец разглядывает написанный сверху адрес. – Это почерк не Кита, но

все же… Возможно, кто-то его видел. Возможно, узнал, где он.

Отец ничего не ответил, но Эмма заметила легкую дрожь в его пальцах, когда он ломал красную восковую печать и разворачивал письмо. Он давно лишился своих очков, и, чтобы прочитать письмо, ему пришлось держать его на вытянутой руке.

Эмма сглотнула. У нее вдруг пересохло в горле. Она сплела свои вспотевшие от волнения пальцы и ждала. Ждала, пока не почувствовала, что больше не может.

– Это добрые вести?

Отец закончил читать и поднял на нее глаза.

– Это прекрасные новости, Эмма…

Воздух, который она задержала в груди, с шумом вырвался наружу. Сердце подпрыгнуло. Страшное напряжение, сковавшее ее, спало.

– …но они не касаются твоего брата.

Теплая волна радости, нахлынувшая на нее, обернулась холодом. Эмма уставилась на отца.

– Я не понимаю.

– Это письмо от миссис Тэдкастер, троюродной сестры твоей мамы. Она пишет, что компаньонка вдовствующей леди Ламертон сбежала с одним из лакеев.

– И что в этом хорошего?

– А то, моя дорогая, – отец улыбнулся, – что вдове нужна новая компаньонка, женщина благородного происхождения, которая понимает, что от нее требуется, и может незамедлительно приступить к работе.

Теперь Эмме стало ясно, почему родственница ее матери прислала им письмо, сообщавшее о таком незначительном событии. Она поняла, к чему все идет. И должна была бы обрадоваться. И непременно обрадовалась бы, если бы это произошло на несколько недель раньше. Но за это время случилось столько всего, что, вместо радости, Эмма почувствовала, как у нее сжалось сердце.

– Миссис Тэдкастер рассказала про тебя ее светлости, и леди Ламертон согласилась взять тебя в компаньонки.

Эмма не могла вымолвить ни слова.

– После стольких лет такая неожиданная и прекрасная новость. Неудивительно, что ты потрясена.

Она действительно была потрясена, но не потому, о чем думал отец.

«– Когда я вернусь, нам надо будет поговорить.

– Звучит очень серьезно.

– Так оно и есть. Вы будете меня ждать?»

Слова Неда и мысли о том, что они могли означать, не покидали Эмму со вчерашнего дня.

Внутри возникла холодная пустота.

– Я не смогу поехать.

– Но почему? – Отец вытаращил глаза.

Разве могла она рассказать ему про Неда? Он даже не джентльмен. Просто человек из Уайтчепела. Человек, который своей жестокостью и опасностью превосходил все, против чего предостерегал ее отец. Человек, который смог одолеть пятерых в кабацкой драке. Который раньше работал в тех же самых доках. Человек, который волшебным образом заставлял трепетать ее сердце и разжег огонь страсти в ее крови. Чьи поцелуи она не могла забыть… и который

дал ей понять, что хочет связать с ней свое будущее.

– Я не смогу оставить тебя одного.

– Глупости. У меня на душе станет только легче, если я буду знать, что ты живешь в безопасности и комфорте в доме леди Ламертон. Как ты не видишь, что с меня достаточно того, что я волнуюсь за Кита?

– Я все понимаю, но ты не должен беспокоиться обо мне.

– Ты работаешь служанкой в харчевне.

– В мясном ресторане, папа, – с непривычным жаром поправила его Эмма.

– Эмма, не все ли равно, мясной ресторан или харчевня. Неужели ты думаешь, что я не знаю, каковы манеры тех мужчин, с которыми ты вынуждена иметь дело? Неужели ты думаешь, что была хотя бы одна ночь, когда я мог спокойно спать, не тревожась за тебя и не дождавшись, пока не услышу, как ты открываешь дверь?

В душе Эммы зашевелилось чувство вины при мысли о том, как отец волновался, пока она с удовольствием проводила время в обществе Неда.

– Если бы ты жила у леди Ламертон, я мог бы подыскать жилье поближе к докам. Здесь всегда можно найти желающих составить мне компанию, чтобы арендовать комнату на двоих. Так мне было бы проще, дешевле и удобнее. Конечно, их общество меня немного раздражает, но что поделаешь.

– Леди Ламертон непременно решит, что это прекрасная возможность выяснить у меня все подробности нашего скандала. Ты же знаешь, что она самая главная сплетница, и нюх у нее как у гончей.

– Клариссе Ламертон нравится быть королевой светских сплетников, но не объектом сплетен. Она будет тебя терзать, но защитит от других. Что за странная перемена настроения, Эмма? За такими аргументами всегда скрывается что-то другое. Ты ведь была так решительно настроена вернуться в общество и разыскать Кита.

Эмма отвела взгляд.

– Способность леди Ламертон добывать разные сведения – это еще одна причина поступить на это место. Ты будешь прекрасно устроена в одном из лучших домов Лондона и сможешь разузнать про Кита. У сына леди Ламертон есть связи в Уайтхолле. Если появятся какие-нибудь новости, молодой Ламертон и его мать наверняка узнают об этом. Ты должна воспользоваться этой возможностью, Эмма, ради меня, ради Кита и ради себя самой. Ты и без меня это знаешь.

Она знала. Вот в чем проблема. Эмма понимала, о чем говорил отец, и знала, что он прав.

– Если ты останешься здесь, ты пропадешь. Один из этих мужчин сделает тебя своей, это всего лишь вопрос времени. Чудо, что этого до сих пор не случилось.

Эмма опустила взгляд на пол, чтобы отец не смог разглядеть правду в ее глазах.

Но он, протянув руки, взял в ладони ее лицо и приподнял.

– Ты красивая молодая женщина, точная копия своей матери, какой она была, когда я встретил ее и женился на ней. Я хочу для тебя лучшей жизни, чем та, которую может обеспечить тебе какой-нибудь обитатель здешних мест.

Эмме захотелось рассказать ему про Неда, про то, что было между ними, но она не могла. Во всяком случае, теперь, когда на нее так давило чувство долга.

– Можно подумать, что я собираюсь выйти замуж за кого-то из местных мужчин. – Ее вынужденная улыбка выглядела как гримаса.

«Вы будете меня ждать?» Она словно смотрела в глаза Неда.

И еще она слышала звук собственного голоса: «Я не собираюсь никуда уезжать, Нед Стрэтхем… Я буду ждать».

– Я рад, что ты не забыла клятву, которую дала матери, Эмма.

– Как я могла забыть? – Она никогда бы этого не сделала. Не смогла бы. Семья есть семья. Клятва означала именно это, даже если ценой было ее счастье. Эмма почувствовала, что ее сердце разрывается между семьей и человеком, которого она полюбила.

Она говорила себе, что Нед, возможно, совсем не любит ее. Что она могла неправильно понять, о чем он хотел поговорить с ней. В конце концов, он ничего ей не обещал и, несмотря на их ночные разговоры и вспыхнувшую страсть, они так мало знали друг друга. И только сердце подсказывало Эмме, что она понимает его.

Однако это никак не меняло того, что она должна была сделать.

– Эмма, ты сама знаешь, что должна использовать этот шанс. – Глаза отца пристально всматривались в нее.

– Да. – Одно короткое слово – и со всем, что наполняло ее сердце, было покончено.

– На обратном пути с работы я зайду на почту, куплю бумаги и чернил и напишу миссис Тэдкастер.

Эмма кивнула:

– Давай я провожу тебя.

Эмма взяла отца под руку и пошла рядом с ним, не замечая полуголых мужчин, которые, прекратив работать, с молчаливым восхищением смотрели ей вслед.

Эмма вспоминала все дни и вечера, когда не покладая рук трудилась, чтобы вырваться из Уайтчепела. Вспоминала, сколько раз молилась, чтобы ей представился именно такой случай. И вот теперь ее молитвы наконец услышаны, а она не хочет уезжать.

Она вспоминала мужчину, чьи волосы светились на солнце, как кукурузные поля, а глаза спорили цветом с летним безоблачным небом. Мужчину, который пленил ее сердце и которому она ничего не сможет объяснить.

* * *

В тот вечер, когда Нед вернулся из Портсмута, он отправился прямиком в клуб «Уайтс». Но теперь встреча уже подошла к концу, все необходимые представления были сделаны, все идеи обговорены. Нед пожал руки графу Мисборну, виконту Линвуду, маркизу Рейзби и мистеру Найту.

– Прошу меня извинить, джентльмены. – Легкий кивок, и он в сопровождении своего друга и управляющего Роба Финчли, выйдя из зала, двинулся по коридору.

Впереди Нед увидел группу мужчин, которые знали его тайну. Мужчин, которых разбирало желание уничтожить его, рассказать, кто он на самом деле. Но они не могли. Еще издалека Нед посмотрел в глаза каждому из них, словно хотел напомнить, почему они не могут произнести вслух то, что вертится у них на языке. Их взгляды отвечали ему высокомерным презрением.

Роб едва слышно выругался:

– Они смотрят на тебя как на подзаборную крысу.

Нед усмехнулся, глядя на этих надменных молодых аристократов. Это произвело желаемый эффект.

– Вспомни, чего им стоит стоять здесь и молча терпеть мое присутствие.

Роб улыбнулся:

– Уже полегчало.

Продолжая улыбаться, друзья пересекли Сент-Джеймс-стрит и уселись в поджидавший их кабриолет. Это была последняя модель, гладкая, черная и блестящая снаружи, с кремовыми кожаными сиденьями, украшенная спереди белым кругом, обрамлявшим красный ромб. Нед не стал оглядываться назад. Он просто взял вожжи и направил лошадей вперед.

– Кажется, тебе удалось подцепить Мисборна.

– Надеюсь. – Колеса покатились быстрее. Нед смотрел вперед, сосредоточившись на дороге. – Я не смогу пойти сегодня на бал к Доусонам.

– Пропустишь такое большое событие? Это на тебя не похоже.

– У меня встреча в другом месте. – Лицо Неда выглядело замкнутым и бесстрастным.

– Там соберутся все шишки.

– Я знаю.

Немного помолчав, Роб сказал:

– Должно быть, эта встреча очень важная.

– Да. – Нед посмотрел другу в глаза и на мгновение задержал взгляд в молчаливом противостоянии. Потом улыбнулся.

Роб улыбнулся в ответ:

– Ладно, приятель. Я больше не буду любопытствовать по поводу твоей таинственной дамы.

Четыре часа спустя Нед в одиночестве переступил порог харчевни «Красный лев». Он не приходил сюда больше двух недель, но несколько голов кивнули ему, узнавая. Как обычно, Нед ощутил атмосферу непринужденности и комфорта, присущую этому месту. Впрочем, он почувствовал ее сразу же, как только перешагнул границу, отделяющую Ист-Энд от остального Лондона. В баре царило привычное оживление. Несколько столов по-прежнему стояли на улице перед входной дверью. Глаза Неда искали Эмму, но не находили ее.

Первое подозрение возникло, когда Нед увидел, что к нему направляется Полетт.

– Как обычно?

Он кивнул:

– Эммы сегодня нет?

– Так и знала, что вы спросите. – Она улыбнулась и бросила на него понимающий взгляд. – Эмма уехала. Нашла себе хорошую работу у одной леди. От таких предложений не отказываются. Счастливица. Но она просила передать, что желает вам всего доброго. Сказала, ей очень жаль, что она не может пожелать это вам лично, но надеется, что вы поймете.

Нед поблагодарил девушку, уронив ей в руку монету.

– Вы забыли баранину и портер.

Но он не стал ждать.

В Уайтчепеле были и другие харчевни. С другими служанками. Но он не пошел туда. Вместо этого Нед поднялся по Розмари-Лейн к Тауэр-Хилл и отыскал старую каменную скамейку под сенью большого бука. Он опустился на нее и в одиночестве смотрел, как заканчивается вечерняя смена в доках и начинается ночная. Наблюдал, как приходили и уходили суда. Он следил до тех пор, пока солнце не вспыхнуло над Темзой закатным пламенем и дневной свет мало-помалу не уступил место темноте.

Ждала ли Эмма хотя бы неделю… одну неделю, прежде чем их жизненные пути навсегда разошлись.

Предательство и ощущение потери были как удар под дых. Нед вдохнул аромат ночи, смешанный с запахом уксуса, все еще сохранившегося в этом месте. Он вспомнил запах мыла, жареного мяса и женского тепла.

Вспомнил умные манящие глаза Эммы и ее нежную улыбку.

Вспомнил страсть, вспыхнувшую между ними, и ощущение, что с Эммой его мир стал лучше.

Он подумал о том, что могло бы быть, но потом оставил эти мысли и заглушил чувства. Эмма де Лайл не стала его ждать. Вот и все.

Но Нед не из тех, кто позволяет чувствам играть собой. У него своя судьба. Возможно, так даже лучше. По крайней мере, теперь его ничто не будет отвлекать.

Издали донесся бой часов. Только тогда он встал и пошел через весь город к дому на Кавендиш-сквер.

Приятным теплым вечером вдовствующая леди Ламертон в сопровождении Эммы шла по Вестминстер-Бридж-Роуд в Лэмбите по направлению к амфитеатру Астлея.

– Я думаю, это должно быть что-то потрясающее в своем роде, – предвкушая удовольствие, сказала новая хозяйка Эммы, когда они вышли из застрявшей в пробке кареты, решив пройти оставшееся до амфитеатра расстояние пешком.

– Безусловно. – Прошло всего три дня с тех пор, как Эмма снова оказалась в высшем лондонском обществе, – хотя и не в той роли, которую знавала раньше, – а уже чувствовала себя так, словно никогда не покидала его. И все же какая-то часть ее души по-прежнему принадлежала Уайтчепелу, где оставался ее отец… и еще один человек.

Она снова и снова думала о том, удалось ли отцу найти новое жилье. Как и что он ест. Думала о том, вернулся ли Нед Стрэтхем в «Красный лев» и передала ли ему Полетт то, что она просила.

– За свои семьдесят пять лет я ни разу не видела, чтобы женщина балансировала на одной ноге, стоя на спине у лошади, которая мчится во весь опор, – продолжила леди Ламертон. Ее прогулочная трость величественно и ритмично постукивала по мостовой.

Спрятав поглубже свои мысли, Эмма вернулась к реальности предстоящего вечера и сосредоточилась на своей хозяйке.

– Надеюсь, это не покажется вам слишком шокирующим. – Она подхватила вдову под руку, помогая ей пробираться через толпу.

– Что вы, дорогая, если этого не произойдет, я буду очень разочарована. В свете только и разговоров что об этом зрелище. Все, кто хоть что-то собой представляет, придут посмотреть его.

Эмма засмеялась:

– Хорошо. В таком случае нам лучше пройти внутрь и занять свою ложу.

Поскольку показаться на этом представлении было даже важнее, чем увидеть его, ложа, где должны были сидеть вдовствующая леди Ламертон с Эммой, имела огромное преимущество. В зале царила толчея и жужжание множества голосов. Зрители рассаживались по своим местам.

– Взгляните на тот кошмар, который водрузила себе на голову Элиза Френшоу. Вот, дорогая моя, что значит дурная кровь. Чего еще ждать, когда ее отец был немногим лучше бакалейщика. – Леди Ламертон произнесла это таким тоном, как будто только что открыла миру, что отец миссис Френшоу был серийным убийцей. После этого она, ничуть не смутившись, кивнула вышеозначенной даме и удостоила ее любезной улыбкой.

Эмма посмотрела на леди Ламертон.

– Что? – Вдова ответила ей взглядом оскорбленной невинности, который, как успела понять Эмма, был ее излюбленным приемом. – Разве я не права?

– Вы правы, как всегда, – ответила Эмма, придав лицу понимающее выражение.

Обе дамы засмеялись, и леди Ламертон продолжила высказывать свои язвительные замечания по поводу других зрителей.

Взгляд Эммы, скользнув по сцене, обратился в зал.

Свободных мест не было. Цирк кишел лучшими представителями лондонского света, которые либо не уезжали на лето, либо уже вернулись в город. Все дамы были в шелковых вечерних нарядах, от бесконечно разнообразных цветных платьев у матрон до ослепительно-белых у дебютанток. На всех красовались длинные перчатки из белого шелка с застежкой наверху. Их волосы, уложенные в блестящие локоны, украшали живые цветы и огромные перья, закрывавшие весь вид тем, кто сидел сзади. Некоторые матроны предпочли перьям шелковые тюрбаны темных оттенков. Их бледные шеи обрамляли сверкающие драгоценности, на пальцах, держащих театральные бинокли, поверх перчаток блестели кольца. Всего два года назад Эмма была одной из них. Теперь же, несмотря на всю эту красоту, она не могла отделаться от мысли, что каждое из этих платьев стоило больше, чем семьи из Уайтчепела тратили в течение целого года.

Среди присутствующих нашлось много желающих поприветствовать леди Ламертон, и кое-кто из них даже кивал Эмме. Эмма кивала в ответ, радуясь тому, что большая часть людей не выказывала неодобрения по поводу ее возвращения в свет.

Из партера ее взгляд переместился на ложи и их обитателей. Герцог Хейвик со стайкой актрис. Лорд Линвуд с женой, великолепной мисс Венецией Фокс. Граф Холлингсворт с семейством и их гость.

Леди Холлингсворт не стала кивать Эмме. Она лишь холодно посмотрела в ее сторону и презрительно вздернула нос. Эмма твердо выдержала этот взгляд, не желая выглядеть смущенной. Потом, любезно улыбаясь, перевела глаза на дочь Холлингсвортов, леди Персефону, со светлыми золотистыми волосами и красивым ртом. Девушка кокетничала с джентльменом, который сидел рядом с ней и, несомненно, являлся поклонником, которого Холлингсворты прочили ей в мужья. Сквозь легкое марево от газовых фонарей Эмма посмотрела на мужчину, и на какую-то долю секунды вдруг увидела Неда. Или ей померещилось? Сердце в груди екнуло и перестало биться.

Зазвучала музыка. На сцене появился конферансье в красном камзоле с нафабренными усами и громовым голосом в самых пышных выражениях объявил, что предстоит увидеть публике. Публика отвечала восхищенными вздохами. Представление началось. Но Эмма не смотрела на сцену. Ее взгляд был по-прежнему устремлен на кавалера леди Персефоны. На его изящный

темный фрак, сшитый на заказ, на белоснежную вечернюю сорочку под ним. На светлые волосы. На лицо, так схожее с другим лицом – лицом из другого мира, – что их можно было принять за близнецов. Не может быть, чтобы это был Нед. Это невозможно.

Ее глаза смотрели все пристальнее, сердце стучало все быстрее. Но на таком расстоянии, в полумраке зала она не могла ни в чем быть уверена.

Словно почувствовав на себе взгляд Эммы, мужчина поднял на нее глаза и на секунду задержал их. Она отвернулась к сцене, смущенная тем, что ее упорный взгляд заметили.

По арене стремительно неслись шесть белых лошадей. Шесть полураздетых наездниц одновременно на одной ноге балансировали у них на спинах.

Зрители охнули, раздались аплодисменты.

– Святые небеса, – прошептала леди Ламертон и тоже захлопала в ладоши.

Эмма последовала ее примеру, хотя она почти не видела ни лошадей, ни женщин у них на спинах.

Это не может быть он, снова и снова говорила она себе. Но каждый раз, когда она украдкой бросала взгляд в его сторону, Эмма видела, что мужчина тоже смотрит на нее. Сердце замирало при виде этого невероятного сходства. Эмма перестала смотреть на мужчину, понимая, что ее взгляд может произвести на незнакомца неверное впечатление. В антракте дадут свет, и она увидит, что это игра ее воображения.

Нед слишком сильно завладел ее мыслями. Его поцелуи, ощущение сильной руки, обнимавшей ее. Обещание, звучавшее в его последних словах.

«– Но я вернусь… Нам надо будет поговорить, когда я вернусь, Эмма.

– Я не собираюсь никуда уезжать, Нед Стрэтхем. Я буду ждать».

Сердце сжималось от чувства вины. Что он сказал, когда узнал, что она уехала? Испытал ли он ту же боль, что и она? Что было бы, если бы она осталась? Он уложил бы ее в постель? А может, женился бы на ней? Эмма закрыла глаза. Постаралась совладать со своими чувствами. У нее хватило разума больше не смотреть на кавалера леди Персефоны.

Наступил долгожданный антракт.

Зажегся свет.

– По-моему, довольно интересно, – с ноткой презрения фыркнула леди Ламертон. – Что вы скажете?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Уайтчепел – в описываемую пору район Лондона, в котором проживало беднейшее население города. (Примеч. ред.)

2

Мейфэр – привилегированный район Лондона. (Примеч. ред.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/makfi_margaret/blagorodnyy-razboynik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить